Эллирея

Автор:
Елена Литвинова

Эллирея

Елена Владимировна Литвинова

Меня зовут Эль. Мою жизнь изменила война, разделив на до… и после. После смерти мужа я осталась одна вместе с сыном, и мне пришлось выживать в чужой стране, в чужом доме, с чужими людьми, хотя нет, не людьми… оборотнями. Но я сильная и не сдамся!

Елена Литвинова

Эллирея

Часть первая. Потерянная жизнь.

Глава первая.

Мои родители были странной парой. Мой отец – невысокий лысоватый с небольшим животом – принадлежал к известному в Ритании купеческому роду. Его отец, мой дед – Боркер Вакур – имел в собственности десятки судов, которые бороздили Срединное море, деду принадлежали несколько десятков торговых факторий на южных и северных берегах, а также торговые дома в крупных

городах и столицах Ритании, Эльвинии и Вольвгандта. Даже со степняками умудрялись торговать пронырливые приказчики Боркера. Сам король Ритании Бекерт Второй пожаловал моему деду право на фамилию. В Ритании граждане, что человеческого, что волчьего происхождения, не могли иметь фамилию, только прозвище. Фамилия – привилегия короля и высшего сословия, к которому предки отца никогда не относились.

Моя мать была высокой светловолосой голубоглазой женщиной, до самой своей смерти, сохранившей красоту, стать и породу. Она была родом из Эльвинии, в нашей семье не принято было говорить об этом, но её предками были аристократы, в жилах которых до сих пор оставалось много эльвинской крови, поэтому все они отличались красотой, долгожительством и отменным здоровьем. Мой отец привёз её из одного из торговых предприятий, которое они предприняли вместе с дедом.

Как рассказывал отец, он сразу влюбился в прекрасную девушку, так похожую на портреты своих предков – эльвинов – в старых книгах. Знатная аристократическая семья моей мамы была категорически против незнатного жениха – чужеземца, но молодые люди решили всё по-своему. Моя мама – Карониэль Светлоокая, и мой отец – Тейзер Вакур – сели на дедов корабль и отплыли из Эльвинии в Ританию. Семья моей матери сразу отказалась от неё, да и дед был недоволен выбором моего отца, он присмотрел для своего сына в жёны дочь какого-то из своих деловых партнёров. Поэтому молодым выделили небольшой домик в провинциальном Туринге и маленькую лавку, в которую дед поставлял товары для продажи.

После трёх лет брака родилась я – Эллирея Вакур Светлоокая. Хоть моя мама имела в предках эльвинов, зато мой дед был наполовину Двуликим. Поэтому внешность я получила необычную: светлые волосы и синие глаза, невысокий рост, гораздо ниже маминого, более широкие, чем мамины, плечи и бёдра, при тонких костях рук и ног. Оборотни не очень любят полукровок, в своём королевстве – Вольвгандте – все полукровки у них имеют статус слуг, существ второго сорта, поэтому моему деду в своё время пришлось оттуда уехать.

Жизнь в людской Ритании также не баловала полукровку, но он добился успеха, удачно женился на купеческой дочери с хорошим приданным и преуспел. Своего деда я не помню, он умер, когда мне исполнилось три года. Всё его имущество отошло старшему брату моего отца и их сестре. По завещанию отцу достался только дом, где мы жили, и эта же маленькая лавка.

Если отец и был обижен таким отношением деда, то этого нам с мамой он никогда не показывал. Пока была жива моя мама, в воспоминаниях о семье остались запах сдобы по утрам, мамин смех и поцелуи, трубка отца после обеда, а ещё – наша лавка, заполненная настоящими чудесами: драконий жемчуг из Изумрудных морей, ведьминские зелья с островов Мгунду, светящиеся раковины, экзотические специи, странное оружие, необычные музыкальные инструменты, среди которых даже был настоящий оркский бубен, принадлежавший степному шаману.

А ещё я вспоминаю соседского мальчишку – полукровку, Эдана, его серые глаза, наши проделки, за которые мы получали одинаково, хотя он пытался постоянно выдать за зачинщика себя. Я тогда не знала, что он станет моим мужем и отцом моего сына.

Это всё осталось в той, прежней жизни, к которой у меня нет возврата. Счастливая жизнь нашей семьи рухнула в один миг, когда мне было десять лет. Я, как сейчас, помню тот страшный день. Мы с отцом были в лавке, я играла разноцветными бусинами, складывая из них различные фигуры зверей и птиц, а отец разбирался с товаром вместе со своим приказчиком.

Я не помню, почему я не осталась дома с мамой, по-моему, она куда-то собиралась уходить на встречу с кем-то, мой отец так потом и не вспомнил, с кем. И тут в лавку вошли несколько стражников в синей форме с королевским гербом. То, что они сказали, отпечаталось в моей голове до сих пор:

– Эта лавка Тейзера Вакура?

– Да, – странным тихим голосом сказал мой отец.

– Собирайтесь, вашу жену убили.

Я хорошо помню побледневшее лицо отца, его затрясшиеся руки и тот же странный голос, всё повторявший:

– Это ошибка, это какая-то нелепая ошибка… Это ошибка…

И в ответ прозвучавшее:

– Нет никакой ошибки… Соседи уже опознали. господин Тейзер Вакур, вы должны пройти вместе с нами…

Я, сидевшая на полу за торговой стойкой и поэтому не видимая стражникам, кричу:

– Папа, что они говорят? Что с мамой?

И папин ответ:

– Эль, будь здесь, в лавке, никуда не выходи. Это недоразумение, я сейчас схожу и всё выясню.

И сочувствующий взгляд нашего приказчика, и долгое ожидание, почти до поздней ночи… И нашу соседку, которая пришла забирать меня уже из закрытой лавки… И наш дом, тихий и пустой, где в темноте столовой за столом сидел отец, а перед ним – свеча и бутылка коричневого стекла… И его слова:

– Эль, мамы больше нет…

А потом несколько следующих дней выпали у меня из памяти. Я до сих пор помню только смазанные серые краски поминального обряда и яркое алое пламя ритуального костра, в котором горело что-то, завёрнутое в белую ткань. Потом доктор говорил отцу, что так детская психика справлялась с травмой, которой стала для меня смерть мамы, что я сама захотела всё забыть. Может быть, не знаю. Но воспоминания об этих днях у меня именно такие, и их нельзя изменить.

Глава вторая.

Мой отец после смерти мамы почти совсем забросил свою лавку, пропадая в Управлении Стражи или на приёме у Градоначальника. Он рассказывал обо всём нашим соседям, выпроваживая меня по разным поводам, но я умудрялась подслушивать.

Иногда взрослые недооценивают интеллект и любознательность детей, поэтому я знала, что убийцу мамы так и не нашли, и возможно, что это был наёмник из Гильдии. В то время я не понимала, о чём идёт речь, но с возрастом и общением с разными людьми, стало понятно, что речь идёт о Гильдии Убийц, самом закрытом образовании в нашем мире. Услуги этой организации стоят дорого, но жертва, выбранная заказчиком, умрёт в любом случае, где бы она не находилась. Единственные, кого не трогала Гильдия, представители всех правящих семейств. Видимо, чтобы избежать переворотов, Гильдия давала клятву не трогать королей, их жён и отпрысков, а также родственников до третьего колена. Взамен те давли возможность существовать убийцам и вершить свою кровавую работу на территории своих государств.

Через полтора года наши дела стали совсем плохи, и мне, оставшейся без маминого присмотра и целыми днями гуляющей по улицам вместе с Эданом, пришлось встать за прилавок и научиться торговать, так как приказчик и продавцы были уволены отцом. Мой папа был мягким человеком, или четверть оборотнем, он справлялся с горем, как мог. А помогало ему в этом спиртное. Бутылка стала присутствовать в нашем доме на столе всё чаще и чаще. А я стала единственной, кто занимался делами магазина. Мне пришлось рано повзрослеть. В те годы, когда дети ещё играют в игры, учатся, только начинают своё становление как личности, я вовсю занималась бухгалтерией и приёмом товаров, училась видеть в глазах поставщиков и перекупщиков ложь, улыбалась покупателям.

В тринадцать я стала сиротой при живом отце, он всё больше и больше катился в пропасть. Первое время стража приносила невменяемого отца с улиц или от дверей питейных заведений, но потом весь наш квартал привык к моему отцу, валяющемуся то у одного забора, то у другого. Иногда я сама затаскивала его в дом, недошедшего до дверей.

А в мои четырнадцать он умер. Стража не входила на этот раз в лавку, а чёрную весть принёс наш бывший приказчик, сухо сказав:

– В морге Управления твой отец. Сходи, опознай. Завтра заберёшь. Не забудь отписать его родным – пусть приезжают и помогут тебе.

Голубиная почта отправила две весточки: сестре и брату моего отца. Тётя ехать отказалась, написав в ответном послании слова соболезнований. А вот дядя – явился. Старший брат отца – Риган Вакур – был таким же невысоким, с

проплешинами, мужчиной. Его лицо выдавало фамильные черты. Он постучался в мою дверь в день поминального обряда, когда соседи и родня в серых одеждах должны вкушать за общим столом белый хлеб, испечённый в Храме, и запивать святой водой.

Тёмно–серый костюм моего дяди был отменного качества, на рукавах и шее сверкали драгоценные камни. Я, в своём не по размеру маленьком старом сером платьице с зарёванными глазами, казалась нищенкой, зашедшей попросить милостыню.

Дядя прибыл один, хотя у него было несколько взрослых детей и жена. Он сначала показался мне добродушным человеком, но потом, из его разговоров со мной и соседями, я сообразила, что причина его приезда банальна: прибрать к рукам отцовскую лавку и меня вместе с ней, выдав замуж за нужного человека, возрастом старше меня раза в три. Опыт, пусть и небольшой, в ведении дел у меня был, поэтому я собрала все бумаги, оставшиеся от отца, и отправилась к Градоначальнику нашего славного Туринга. Законодательство мне тоже приходилось немного изучать, пытаясь выиграть лишнюю медяшку у сборщиков подати, один из законов о сиротстве, принятый ещё во времена правления какого-то из предков нашего нынешнего государя Бекерта Второго, гласил, что я могу попросить стать опекуном… короля! Конечно же, я не стану жить во дворце, и король даже не узнает о моём существовании, но моё имущество будет неприкосновенно, как и я сама, пока не достигну двадцатилетия или не выйду замуж. Этот закон защищал сирот стражей и воинов, ноя знала, как воспользоваться им в моём случае.

В приёмную к Градоначальнику я вошла с высоко поднятой головой.

– Эль, что ты здесь делаешь? – спросила меня сидевшая в приёмной женщина, одна из постоянных клиенток нашей лавки.

– Мне нужно к господину Нерусу.

– Зачем он тебе?

Мне не хотелось ни с кем попусту болтать, поэтому я сказала:

– Он принимает сегодня?

– Да. Садись на скамью, будешь за мной.

Когда подошла моя очередь, мой воинственный настрой немного под утих, но решимость довести начатое до конца никуда не пропала. Если бы я в тот день развернулась и ушла из приёмной, моя жизнь точно бы сложилась иначе, но я не ушла.

– Проходите, юная госпожа. Что привело вас ко мне? – Господин Нерус оказался высоким мужчиной средних лет, очень худым и подвижным. Я о этого встречала его на различных праздниках на площади Согласия, но не предполагала, что это и есть Градоначальник.

– Я, господин Нерус, хочу попросить защиты и покровительства у короны и государя нашего, Бекерта Второго. Меня зовут Эллирея Вакур. Мего отца вчера забрал Огонь, мама умерла несколько лет назад, я сирота.

– Ну что ж… – нахмурился Градоначальник, – а родственники у тебя остались?

– Дядя… – я наморщила лоб, – но он хочет отобрать у меня лавку! А это – последняя память о моём отце! Дело всей его жизни! – Я, конечно, преувеличивала, но мои громкие слова вместе с трясущимися губами и наполненными слезами синими глазами произвели впечатление на сидящего мужчину. Он вскочил и дал мне платок.

– Успокойся, юная госпожа. Документы с тобой?

– Да, господин Нерус.

– Но твой отец ведь не страж и не воин.

– Но в законе о королевских сиротах не говорится только о детях стражей и воинов. Каждая Земля может рассматривать разные случаи индивидуально. Посмотрите в Уложении от прошлого года.

Градоначальник подошёл к полке с книгами и взял в руки толстенный том.

– Страница сто одиннадцать, – услужливо подсказала я.

Господин Нерус удивлённо приподнял брови:

– Да, всё верно!

Так я стала королевской сиротой в обход двух правил и трёх приложений, в которые Градоначальник не удосужился заглянуть. Мой дядя уехал в столицу ни с чем, а я наняла одного шустрого продавца из бывших, служивших у нас ещё при папе, и стала получать королевское пособие – двадцать золотых драконов в год – на которые наняла учителя иностранных языков. Тогда у меня появилась мечта – съездить на родину к маме, в Эльвинию, и познакомиться с её родственниками. Эльвинский язык был невероятно труден в обучении, но я старалась изо всех сил! Я тогда не знала, что моя мечта осуществиться не скоро и при очень тяжёлых для меня обстоятельствах!

Глава третья.

Двадцать золотых королевских драконов – самых полновесных и магически защищённых монет Ритании – для сироты это была огромная сумма. Нанятому учителю я платила три золотых дракона в год, от налогов, как королевская сирота, я была освобождена. На одежду и питание мне хватало из доходов лавки. Мой дядя, несмотря на мой поступок, не прервал со мной деловых отношений, и редкие товары продолжали поступать в мою лавку.

С учителем эльвинского мне так же очень повезло. Им я выбрала себе одного из постоянных покупателей – сухонького старичка, который, в силу возраста, уже не мог преподавать в нашей школе для богатых и "новых" аристократов, но частные уроки у него брали несколько отпрысков благородных и не очень семейств.

Сначала магистр Леогаст не хотел брать в ученицы девчонку, да ещё и сироту. Но сначала три золотых дракона, которые были ему показаны, а затем мой

впитывающий, как губка Изумрудных морей, разум, заинтересовали старого прохиндея, и мы с удовольствием занимались не только эльвинским языком, но и историей Ритании и Вольвгандта, а также географией и литературой.

Я, конечно же, не могла сравниться по своему уровню образования с представителями знатных семейств, обучающихся в школе, но и не осталась безграмотной девицей, одной из многих в нашей славной стране. Образование и государственная служба были прерогативой мужчин, наш король и его советники видели задачей женщины – ведение домашнего хозяйства и рождение детей. Мама мне рассказывала, что в Эльвинии она закончила Академию, и в стране было много женщин – докторов, женщин – учителей, и даже одна из фавориток эльвинского короля стала советницей. Но представить себе такое в Ритании было невозможно.

Только спустя годы я понимаю, как было тяжело моей матери освоиться в патриархальном обществе и не сдаться: мама вела два комитета – помощи неизлечимо больным и помощи бедным семьям. Её в городе знали многие, поэтому было странно, что когда её убивали, не оказалось ни одного свидетеля! А ведь был день, когда на улицах полно народа. Тело мамы нашли за углом нашего дома. Её голова была отрезана. Сумочка была при ней, в которой ещё оставалось несколько серебряных волков – монеты, заимствованной у наших соседей – вольвгандцев.

Так прошло ещё пару лет, а в шестнадцать моя судьба опять поменялась: в мою ставшей размеренной жизнь вернулся друг детства – Эдан! Когда он зашёл в лавку, я сначала не узнала в высоком светловолосом юноше своего друга по детским играм. Но его слова заставили моё сердце сжаться, а меня выскочить из-за прилавка и заключить парня в объятья:

– Здравствуй, Эль!

– Где ты пропадал столько времени?

– Мы уехали в Риттенбург. Отцу там предложили хорошее место. А сейчас я и мама вернулись.

– Извини, я не смогу сейчас долго с тобой разговаривать, много покупателей, а продавец заболел. Давай вечером встретимся?

– Эль, вечером у меня дела, когда выздоровеет твой продавец?

– Обещал, что выйдет завтра!

– Тогда, до завтра, моя Эль!

Я так обрадовалась своему старому другу, что не могла усидеть на месте, не выучила неправильные эльвинские глаголы, заданные мне магистром Леокастом, а всю ночь проворочалась в постели

Но на завтра мой продавец не вышел, и Эдан тоже не объявился. Я вечером прогулялась мимо их прежнего дома, но во дворе играли дети, незнакомая женщина позвала их ужинать. Я расстроилась, опять провела бессонную ночь. Детские воспоминания захватили меня, я вспомнила маму, отца, разрыдалась, уснув только под утро.

Почти проспав время открытия лавки, я прибежала туда и увидела двух мужчин, ожидающих меня: продавца и Эдана. За последние два года этот день запомнился мне, как один из счастливейших: мы гуляли по городу, заглянули в несколько лавочек и маленькую кофейню. Потом сидели на краю фонтана площади Согласия и кормили голубей. А ещё много разговаривали.

Эдан рассказывал о жизни в столице, о школе, в которой учился, об отце, который решил бросить мать ради более молодой девицы, а сейчас затеял развод. Мать его решила вернуться в родной город, а Эдан отправился вместе с ней, отказавшись от блистательной карьеры, которую ему мог предложить отец и которую сделать ему позволяло обучение в Высшей школе Ритании, находящейся под протекцией правящей семьи.

Я рассказывала о смерти отца, королевском опекунстве, своём обучении у Леокаста, работе в лавке. Мы гуляли и разговаривали, разговаривали и смеялись. Эдан проводил меня до дверей, когда уже солнце стало исчезать за крышами домов.

– Спокойной ночи, Эль… – он наклонился… и поцеловал меня! Я до сих пор помню этот поцелуй – нежный и лёгкий, как лепесток розы. Потом Эдан ушёл, а я всё стояла и смотрела на него: на его широкие плечи и развевающийся плащ.

Следующие три месяца моей жизни запомнились непрерывным ожиданием встреч с Эданом, букетиками полевых цветов, которые продавали старушки на углах по медяшке за штуку, нашими поцелуями, когда мы оказывались одни, и руганью Леогаста:

– Эллирея, ты опять не выучила задание, где твоя голова? – разорялся магистр, пока я вспоминала прогулки под лунами с Эданом. – Ты выучила королей Вольвгандта? Что ты запомнила про их традиции?

– Учитель, ну скажите мне, зачем мне нужны эти варварские традиции оборотней? Я там жить никогда не собираюсь! Лучше расскажите ещё раз про эльвинов, мама мне иногда рассказывала легенды о прекрасных и мудрых существах, которые могут жить очень долго, почти вечность!

– Об эльвинах ты и сама можешь прочитать в трактате Болеслава Морехода. У него полное изложение эльвинских легенд, – сдавался магистр, – хотя насчёт Вольвгандта ты не права – это наши ближайшие соседи, во многих гражданах Ритании течёт волчья кровь, и ещё неизвестно, куда нас всех может занести судьба!

– Читать? Мне сейчас не до того! Лучше расскажите сами, учитель…

И магистр начинал своё повествование об эльвинской принцессе Айлинэль и её брате Фромезине, о злом драконе и золотых яблоках, и многом другом, что казалось мне сказочным и волшебным. Такой сказочной и волшебной становилась моя мама, когда с годами стёрся из памяти её реальный образ.

Однажды, гуляя по берегу небольшого ручья, протекающего невдалеке от городской окраины, мы с Эданом начали опять с поцелуев. Как-то незаметно для себя я очутилась лежащей на плаще с задранным вверх подолом, а рука Эдана вовсю хозяйничала в том месте, о котором порядочным девушкам говорить стыдно.

– Эдан, остановись, прошу тебя! Не нужно! – задыхаясь от непонятных ощущений прошептала я.

– Эль, ну давай! Никто не увидит! – дыхание его было частым, руки сильными и ловкими, а глаза туманились от желания.

– Нет, Эдан! Хватит! – я пыталась сопротивляться, но он хватал меня за руки и прижимал к земле, раздвигая мои ноги.

Я испугалась, ведь не очень многое, что мне запомнилось из разговоров мамы, было то, что девушка не должна терять свою честь до свадьбы, ведь последствий такого поступка может быть множество: нежелательная беременность и путь в королевские весёлые дома я запомнила на всю жизнь. Таких женщин, совершивших эту роковую ошибку, сама мама называла "бедняжечки", и, конечно, помогала, вместе со своим дамским комитетом. Но выражение её лица при этих словах я тоже запомнила на всю жизнь!

Передо мною встало, как наяву, мамино лицо. "Бедняжечка", – проговорила она, а я собралась духом и резко вырвалась из объятий Эдана. Я быстро стряхнула с платья мусор, поправила лиф и, не оглядываясь, помчалась домой. Эдан не стал меня догонять, прокричав: "Эль, ты куда?" Забежав в дом, я закрыла входную дверь на все замки, набрала полную ванную горячей воду, и, прямо в платье, залезла в неё. Мои руки тряслись, зубы стучали, хотя на улице было очень тепло, я всё не могла никак успокоится.

Я думала о том, что, если бы не видение мамы, я могла совершить страшную ошибку, отдавшись Эдану. Я считала, что люблю его, но не была уверена в его чувствах ко мне. Эдан – красивый светловолосый молодой мужчина с прекрасными серыми глазами, на два года старше меня, на него оглядываются все женщины от шести до шестидесяти! И я, худая плоская пигалица шестнадцати лет от роду, одна красота – синие глаза, даже волосы у меня были непонятного бело-жёлтого цвета, который терялся на фоне платиновых красавиц – аристократок Эльвинии и Ритании, и рыжеволосых вольвганок, сверкающих своими космами, как маленькие солнца!

Дело даже было не во внешности или ошибке, которую я боялась совершить, поддавшись своим чувствам. Я боялась того нового, что даст взрослая жизнь, тех перемен, которые она принесёт!

На следующий день Эдан опять зашёл ко мне в лавку с неизменным букетиком и приглашением погулять. Я ему отказала. А потом всю ночь ревела в подушку,

оплакивая то, что отталкиваю от себя единственного, бывшего для меня родным, человека. Но на следующий день опять отказала ему. Вечером он дожидался меня у дома магистра, я сделала вид, как будто не замечаю его, и быстрым шагом пробежала мимо. А с утра я встретила Эдана у своей двери.

– Эдан, ты пугаешь меня. Извини, но я не хочу тебя пока видеть.

– А ты жестокая, Эль!

Я? Жестокая? Я была удивлена этими словам друга детства, но выяснять отношения с ним не стала ни в этот день, и не в другой. Каждую ночь я обливалась слезами, а днём старалась сделать вид, что Эдана для меня не существует. Но моя неприступность, видимо, ещё сильнее разожгла азарт в крови молодого мужчины, и он ещё активнее взялся за ухаживания. То под моим окном объявится менестрель, то после работы в лавке меня ждёт коляска, запряжённая белоснежной лошадью.

И я решилась на разговор.

– Эдан, ты понимаешь, что поторопил события? Я не против близости с тобой, но я хочу, чтобы всё было правильно: сначала свадьба, затем постель, – я не знаю, откуда я взяла смелость сказать такое мужчине, я, скорее всего, воспринимала Эдана как родственника, которых у меня не осталось, поэтому и прозвучала эта фраза.

– Эль, неужели ты могла подумать, что я просто озабоченный придурок, который готов затащить тебя в постель ради интереса? Нет, дорогая, – он нежно обнял меня и прижал к груди, – просто так ты не отделаешься! Завтра приду тебя сватать!

– Правда?

– Правда! – он чмокнул меня в нос, – а сейчас иди занимайся, магистр уже заждался!

Я действительно опаздывала, и Леогаст высунулся из своей двери, дожидаясь меня.

Наш урок Леогаст начал с допроса:

– Это с кем же ты там прилюдно обнималась, Эль? Ну и молодёжь пошла! Никакого почтения к добродетелям, завещенным Старцами!

– Извините, магистр, но, по-моему, это не ваше дело. А вообще-то, это мой жених! Он завтра придёт ко мне свататься!

– Жених? Как интересно! А его, случайно, не Эдан зовут?

– Да, а вы его знаете?

– Его самого – нет. А вот с его отцом был знаком. Он же полукровка!

– Нет, учитель, вы ошибаетесь! Полукровка – это отец Эдана, а его мать человек. В нём на четверть волчьей крови!

– Может быть, может быть…

– А почему вы спрашиваете?

– Видишь ли, Эль, один из моих учеников, сын высокопоставленного человека на службе у короля, рассказал мне некоторые дворцовые сплетни. Мать Эдана как-то связана со скандалом, в результате которого из Ритании выслали посла Эльвинии и посадили в казематы одного из королевских советников. Поэтому отец твоего… мгм… жениха и разводится с ней!

– Это неправда, учитель! Мне Эдан рассказал, что его отец при дворе встретил молодую оборотницу и влюбился в неё! Поменьше верьте сплетникам, в вашем возрасте это стыдно!

– Эль, я понимаю, что могу быть не прав, или что-то не так понять, но мать твоего Эдана точно замешана в чём-то нехорошем! Эдану из-за скандала отказали в месте в Высшей школе, а отца чуть не отстранили от должности!

– Опять вы что-то напутали, учитель! Эдан сам бросил Высшую школу, чтобы не оставлять мать одну в трудное для неё время!

– Хорошо бы так…– задумчиво произнёс Леогаст, – деточка, что-то мы с тобой отвлеклись! Ты сделала перевод текста?

– Да, учитель!

– Положи на стол, утром проверю, а сейчас слушай внимательно, ведь темой нашего урока будет Степная Империя.

– И что конкретно вы мне сегодня о ней расскажете? Опять учить имена правителей?

– Нет, сегодня мы поговорим об оружии степняков и об оружейниках, признанных всеми лучшими в нашем мире!

Так я узнала об огнестрельном оружии, которое придумал Вистопляс Оружейник, и назвал его пистоль и пищаль. Пистоль – маленькая трубочка, которая выталкивала под давлением огня маленькие шарики – дробины, несущие смерть вставшему на их пути живому существу, а пищаль – большая труба неправильной конической формы, засыпая в которую огненный порошок и заталкивая тяжёлый шар – ядро – можно было попасть в здание или крепостную стену и разрушить её!

– Учитель, – выслушав с открытым ртом рассказ магистра спросила я, – а у Ритании есть эти пи… сто…ли?

Магистр усмехнулся:

– Наш король – Бекерт Второй, прозванный Достославным, считает, что сражаться и побеждать нужно так, как делали наши предки – при помощи мечей, ножей и арбалетов, иногда можно использовать таран, но огнестрельное оружие – это блажь, которая скоро пройдёт! При этом степняки вооружаются, у них в армии всё больше и больше отрядов, которые носят пистоли. А все воины учатся из них стрелять!

Глава четвёртая.

На следующий день я закрыла лавку пораньше и зашла за едой для гостей. Приготовив небольшой ужин и накрыв на стол, я стала ждать Эдана и его матушку. Кого ещё он возьмёт с собой, я не знала, надеялась, что придут несколько человек, иначе я не справлюсь с волнением. Мои страхи были напрасными. Эдан приехал на коляске с невысокой полной женщиной, чем-то неуловимо похожей на него. У женщины был высокомерный взгляд и плотно поджатые губы.

– Познакомься, мама, это моя невеста, Эллирея Вакур.

Мама Эдана фальшиво улыбнулась:

– Очень приятно, Эллирея Вакур, меня зовут Сонея, – а при этом её глаза осматривали моё скромное платье. – Это ваш дом, госпожа Эллирея?

– Да… Он мне достался от родителей, госпожа Сонея…

Матушка Эдана осмотрела цепким взглядом гостинную и увидела на столе фамильное серебро, эльвинский столовый сервиз – единственную вещь, которую забрала моя мама со своей родины.

–Какая красота! – она схватила одну из маленьких ажурных тарелок и начала рассматривать её на просвет.

Я пригласила своих гостей за стол, не задав так и вертящийся на моём языке вопрос: почему на сватовство он пришёл только со своей матерью? Где его друзья и родственники, которые должны задать мне традиционные вопросы и получить подарки в виде вышитых салфеток и пирогов! Конечно, у Эдана могли быть на это свои причины, и я, молодая и влюблённая дурочка тогда промолчала. Если бы я знала тогда, к каким последствиям может привести такая наивность!

Разговор за столом не клеился. Эдан молчал, изредка поглядывая на меня, а его матушка разглядывала обстановку в гостинной, посуду и еду.

– Ты живёшь здесь одна? – спросила меня Сонея, невольно оторвав от разглядывания тарелки.

Я, сминая под столом подол платья, ответила:

– Да, госпожа Сонея. Этот дом мне достался в наследство от отца.

– А кто твой опекун? Где он проживает? – продолжила допрос мать Эдана.

– Я – королевская сирота! – гордо произнесла я. – Поэтому я живу одна и сама могу распоряжаться своей жизнью!

– И деньгами?

– И ими тоже.

– Мама, к чему эти вопросы! – наконец-то вмешался в наш диалог мой жених. – Мы здесь не за этим! Эль, дорогая, мама и я пришли к тебе в дом, чтобы узнать, – Эдан поднялся со своего места и подошёл ко мне, а моё глупое сердце забилось часто-часто, – окажешь ли ты мне честь, – его голос стал более низким, – и станешь моей женой?

– Да! – что ещё могла ответить глупая молодая влюблённая девушка?

Моё сердце радовалось и трепетало, когда я прощалась с Эданом и его матушкой, ведь я не обратила внимание ни на то, что новоявленная свекровь оценивающе осматривает дом, ни на то, что после ухода гостей у меня пропало несколько предметов из матушкиного сервиза, тогда я списала это всё на свою рассеянность, хотя это были первые тревожные звоночки приближающихся проблем…

На следующий день Эдан встретил меня после работы в лавке и сказал:

– Эль, нам нужно сходить к Градоначальнику и взять разрешение тебе на брак. Я сегодня был в Храме, и мне жрец отказал в проведении церемонии с тобой, потребовав бумагу с королевской печатью! Такое разрешение выдаётся только в королевской канцелярии, а его придётся долго ждать!

– Куда нам торопиться, Эдан? Дождёмся ответа от короля и поженимся!

– Милая, – Эдан по хозяйски обнял меня за талию, наклонился к уху и зашептал: – я уже не могу держаться рядом с тобой, так хочется большего…

– Эдан! – простонала я, когда он прикусил мне мочку уха, – потерпи, любимый! Скоро мы будем вместе не только днём, но иночью! – так же шёпотом закончила я фразу.

– Завтра же идём на приём к Градоначальнику! – командный тон любимого я восприняла как любовную игру и засмеялась. – Эль, я серьёзно!

А на следующий день мы стояли в кабинете господина Неруса, а тот внимательно рассматривал моего жениха, а потом произнёс:

– Господин Эдан, я попрошу Вас выйти из моего кабинета, мне нужно поговорить с госпожой Эллиреей Вакур наедине!

– Но… – попытался протестовать мой жених, но был прерван резким:

– Выйдите в приёмную, если хотите, чтобы я быстро разобрался с вашим делом!

Поджав губы, Эдан вышел, а господин Нерус мне сказал так:

– Эллирея, дорогая, присядь, пожалуйста в это кресло. Разговор наш с тобой будет долгим. Ты уверена, что хочешь замуж?

Я села в кресло и просто онемела от этого вопроса.

– Да, конечно, господин Нерус, ведь для этого мы и пришли сюда с женихом…

– Подожди, Эллирея, а ты уверена, что хочешь замуж именно за этого молодого человека?

– К чему эти вопросы, господин Нерус, я люблю Эдана и хочу стать его женой! Он со своей матушкой вчера посватал меня, я согласилась…

В кабинете повисла тихая пауза, Градоначальник молчал, а я нервно сжимала и разжимала кулаки, не понимая, к чему ведёт разговор этот мужчина.

– Эллирея,может ты небудешь торопиться со свадьбой, – наконец отмер Нерус, – ведь двадцать золотых драконов на дороге не валяются. Когда ты выйдешь замуж, казна снимет ответственность за твоё обеспечение.

– Я всё понимаю, господин Нерус, но у меня есть лавка и сбережения, думаю, что мы проживём!

– Молодости свойственна импульсивность, милая Эллирея. Я дам тебе неделю на раздумья, если ты останешься при своём мнении, то я отправлю письмо в столицу с просьбой о разрешении на твой брак! Но на твоём месте я бы дождался положенных двадцати лет, получил все полагающиеся от казны деньги и привилегии, а потом думал о замужестве! Зря, что ли, я нарушил три приложения и два правила, чтобы вытребовать тебе королевское обеспечение!

Я открыла рот от удивления: так господин Нерус знал, что я обманываю его, но всё равно пошёл против закона и заступился за сироту!

– Как же так! Вы знали…

– Да, поэтому я настоятельно прошу тебя подумать и ничего не решать с горяча! Настают трудные времена, и каждая медяшка может пригодится и спасти тебе жизнь! А если твой жених тебя любит по-настоящему, то оставшиеся три с небольшим года он подождёт!

Я пообещал Градоначальнику дать ответ через неделю и вышла из кабинета, тут же забыв о сказанном. Молодость легкомысленна и самонадеянна! Мне бы прислушаться к советам людей, которые пусть и не были мне близки, но и не желали зла. Но я не хотела слышать ни слова магистра Леогаста, ни доводы господина Неруса. Через неделю было отправлено письмо, через месяц – получен ответ, а через два состоялась и свадьба.

Глава пятая.

Семейная жизнь моя началась счастливо и спокойно, первая брачная ночь не принесла ни особой боли, но и не доставила никакого удовольствия. Я не понимала того возбуждения, с которым об этом шептались знакомые мне девушки и юные женщины. Жить Эдан с матушкой переехали ко мне, лавкой тоже стал заниматься супруг, мне осталось унылое прозябание дома у окошка и редкие уроки с магистром, которые должны были окончиться в конце года. На следующий год заниматься науками Эдан мне запретил, объяснив это тем, что я не должна транжирить семейные деньги. Он собирался потребовать возврат оставшихся денег за этот год у магистра, но я резко указала ему на то, что забирать деньги, уплаченные вперёд, будет подло, и лучше доучиться! Моими сбережениями, отданными мужу в качестве приданного, быстренько распорядилась свекровь. Половину из них она отдала Эдану "на дела", а вторая половина так пропала в бездонных карманах его матушки. Эдан же за "дела" посчитал сомнительную аферу, в которую вложил большую часть из двадцати драконов – пятнадцать, которые быстро растворились в карманах нечестных на руку дельцов.

Пообещав моему супругу золотые горы, они исчезли в неизвестном направлении. Стража могла только посетовать: " Пересекли границу со Степной Империей. А у нас с ними сейчас плохие отношения, может, будет война. Не выдадут!"

Так я осталась практически без денег, накопленных мной с большим трудом, но это прошло как-то мимо меня, не задев мою душу, больше всего меня напрягали отношения с матерью Эдана, которая всячески старалась унизить и оскорбить меня. Мне отвечать ей муж запретил, указав, что "бедная матушка столько пережила, а теперь хочет помочь нам с тобой, не обижайся, Эль, и её не обижай". Эдан не лез в скандалы, которые старалась устроить мне госпожа Сонея, не вставал ни на её сторону, ни на мою. Потом она немного притихла, особенно когда выяснилось, что я жду ребёнка.

Это были самые счастливые месяцы в моей прежней жизни! Я улыбалась всему миру, и мир в ответ улыбался мне! Во мне зрел плод нашей с Эданом любви, и это приносило мне больше радости, чем всё остальное! Муж не мог на меня надышаться, его матушка перестала доставать меня и даже наоборот, стала, наконец-то, реально помогать по хозяйству, соседки и просто знакомые радовались за меня и поздравляли с будущим прибавлением в семействе, даже магистр Леогаст подарил мне двухтомник трактата о родах и материнстве, правда, на эльвинском, чтобы, почерпнув нужные мне знания, не забывала об выученных уроках!

Родился крепкий малыш, и Эдан назвал его Ллойд. Ллойд Вакур – так стал зваться мой самый любимый мужчина! Почему Вакур? Потому что род мужа был безфамильным, но так как моя семья имела привилегию иметь фамилию, это право могло, при моём желании, распространиться и на моего мужа и детей! Муж получил мою фамилию после свадьбы, а сын стал Вакуром после своего рождения.

Дела в лавке становились всё хуже и хуже, денег, оставшихся от моего приданного, едва хватало на еду. Эдан не пытался ни каким образом исправить эту ситуацию, а стал постоянно где-то пропадать, бросая торговлю на произвол судьбы. Мне опять пришлось выправлять наши дела, оставляясына с бабушкой.

– Эдан, ты нашёл себе работу? – как-то раз спросила я его.

– Работу? – он ухмыльнулся. – Ну почти. Я прохожу обучение в армию и собираюсь стать солдатом!

– Как же так, милый? Ты собрался бросить меня одну, с ребёнком на руках? А как же лавка?

– Не будь дурой, Эль. Тебе это не к лицу! – грубовато пошутил Эдан. – Торговля – не моё, на королевскую службу меня не возьмут без образования, а служба в королевском кирасирском полку даст мне заработок, а тебе, в случае моей гибели, достойную пенсию.

– Эдан, ты пугаешь меня специально, да? Ты пошутил ведь, я знаю!

– Пошутил, Эль, пошутил…

А через месяц Степная Империя напала на Ританию.

Туринг находился далеко от границ со степняками, но стоял на оживлённом торговом трактате, поэтому через наш город из столицы проходили войска, обозы с продовольствием и обратно тянулись подводы с ранеными. Магистр был прав: Ритания уступала Степной Империи в вооружении и начала проигрывать войну. Полк моего мужа был отправлен на границу в первые же дни войны, но вскоре только несколько человек под руководством бравого лейтенанта Горда

вернулись домой. Почти весь полк был уничтожен, попав в засаду. Но мой муж вернулся и привёл с собой в гости Горда, рассказав, что только благодаря мужеству и воинской смекалки этого вояки шести солдатам удалось спастись. Я очень испереживалась, узнав об этом, но Эдан успокоил меня:

– Эль, есть такая примета у солдат – удалось выжить в первом бою, обойтись без ранений, то будешь жить ещё очень и очень долго! Мы сейчас проходим передислокацию, возможно, нас, как полукровок, присоединят к отрядам генерала Юлиуса Картера, ты же знаешь, что Вольвгандт решил помочь Ритании.

Я знала, кто такой Юлиус Картер, генерал вольвгандтской армии, его ещё называли Чёрный Герцог за его жестокость и беспощадность не только к врагам, но и союзникам. Магистр говорил мне, что так его ещё называли из-за его зверя – редкого, чёрного окраса.

Вольвгандцы, истинные оборотни, были злыми и свирепыми волками, а их аристократия имела, по мимо второй, ещё одну, боевую ипостась – вервольфа, которую боялись все, без исключения! Говорят, что даже эльвины страшились верволфов и никогда не вступали в бой, если в армии противника находился хотя бы один из них. В общем, жуткие чудовища!

– Эдан, говорят, что вольвгандцы принимают бой только в самых тяжёлых случаях, когда королевская армия отступает! Я боюсь за тебя!

– Не волнуйся, милая. Лучше хорошо присматривай за нашим сыном и моей матушкой! Кстати, где она?

– Она каждый день стала ходить на рынок, узнавать новости и искать продукты подешевле. Ты же знаешь, лавку пришлось закрыть, из-за войны редкости стали никому не нужны, люди думают только о том, как бы прокормиться, всё сильно подорожало…

– Я понял, вот, возьми! – Эдан протянул мне мешочек с монетами.

– Не нужно, нам хватает! Оставь себе! – Эдан сделал движение рукой по направлению к карману, но хмыканье лейтенанта Горда, раздавшееся за его спиной, заставило мужа положить деньги на стол.

– Здесь сорок серебряных волков, надеюсь, вам хватит до моего возвращения! Скоро мы разобьём проклятых степняков, захватим их земли, и я вернусь к тебе! – Эдан подхватил меня под мягкое место и закружил по комнате.

– Гм… Рядовой Эдан, нам пора.

– Подождите, я дам вам с собой домашней еды!

Я быстро собрала пирогов в суму и схватила из люльки сына, чтобы папа успел его поцеловать.

– Эль, – на ходу проговорил Эдан, – вечером наш полк выступает, мы пройдём через площадь Согласия!

– Хорошо, я буду там!

Площадь Согласия была полна народа, здесь стояли и взрослые, и дети, ожидая прохода армейских полков. Я боялась, что меня затопчут, но всё равно смешалась с нервной толпой. Затем забралась на бортик высохшего фонтана и стала ждать. И вот забили барабаны, затрубил трубы, и на площадь стали выезжать и выходить конные и пешие солдаты и их командиры. Одними из последних шли отряды вольвгандтцев, впереди которых ехал на огромном коне непонятной масти черноволосы и черноглазый мужчина неопределённого возраста, окинув толпу взглядом, от которого захотелось спрятаться, он проехал дальше, а я стала в строю рыжеволосых и пегих воинов выискивать глазами светловолосого мужа.

– Чёрный Герцог… Чёрный Герцог… – выкрикивали мальчишки, – видели, какой жуткий?

И я поняла, что человек с жутким взглядом и есть этот прославленный генерал, под руководством которого армия должна победить. Тут я увидела Эдана, начала размахивать руками и подпрыгивать. Но Эдан, почему-то, не увидел меня, с опущенной головой он ехал, погружённый в раздумья.

– Эдан, Эдан, – закричала я, – но в шуме толпы мой писклявый голосок был неслышен. Я тогда не знала, что вижу своего мужа в последний раз!

Глава шестая.

Через месяц наш город превратился в рай для мародёров всех мастей, на улицу я и свекровь почти не выходили, а если и делали это, то старались передвигаться до рынка и обратно, прячась в подворотнях и за заборами. После войны Туринг назовут столицей мародёров и разбойников, ведь проходящий через город тракт сыграл с нами, жителями, злую шутку – дезертиры, беженцы из разграбленных и сожжённых дотла деревень, отступающие части королевской армии проходили через наш город. Всё это разрушило устоявшийся веками порядок.

Безвластье, приводившее к безнаказанности, стало постоянным. Нашу вдовую соседку, женщину средних лет из старого аристократического рода, ограбили и изнасиловали белым днём. В городе оставаться было опасно. Дверь посторонним я не открывала, да и знакомым тоже. Поэтому, когда ранним утром в дверь раздался сильный стук и крики "Откройте! Королевский вестовой!" – я не поспешила к засову, высунувшись в узкое оконце, похожее на бойницу в каком-нибудь старинном поместье, спросила:

– Кто Вы? Что нужно?

Молоденький солдатик в новенькой форме королевской егерьской службы мне ответил:

– Здесь проживает Эллирея Вакур?

– Да, это я!

– Вам приказано явится сегодня в полдень в комендатуру!

После этих слов мои ноги отказались меня держать. Я знала, для чего вызывают солдатских жён в комендатуру – сообщить им о том, что они стали вдовами. Но первой моей мыслью тогда было: "Как я скажу об этом Сонее?" Я не думала, что будет со мной или сыном, я, почему-то, заволновалась о матери Эдана. Как она переживёт смерть единственного сына?

Что-то соврав своей свекрови, я в обед явилась в комендатуру. Сквозь туман в голове я слышала голоса солдат и офицеров, обсуждавших жаркие бои, которые уже идут не на границе, а на землях Ритании, гибель и ранения своих однополчан, и нас, солдатских… вдов.

После получения мной бумаги о смерти Эдана Вакура, я стояла на улице перед комендатурой и не знала, что мне делать, как сказать матери о гибели сына. Тут я услышала, что меня кто-то зовёт.

– Эллирея Вакур! Эллирея!

Я повернулась на голос и увидела спешащего ко мне господина Неруса.

– Что ты тут делаешь? – спросил меня наш бывший Градоначальник. Его сместили с этого поста ещё в начале военных действий, посадив в руководство какую-то шишку из столицы. Увидев у меня в руках пергамент с государственной печатью, господин Нерус продолжил: – А-а-а, вот оно как… Эллирея, держись, девочка… Денег и продуктов хватает? Тебе положено пособие, как вдове солдата – десять серебряных волков в год. Давай сходим получим их сейчас, и я провожу тебя до дома.

Господин Нерус помог мне быстро получить пособие и проводил меня до дома, расспрашивая о моей жизни и сыне. Я что-то ему отвечала, находясь в странном состоянии. Только через годы я поняла, что, если бы ни он, до дома в тот день я могла не дойти.

Возле порога я услышала:

– Прощай, Эль, желаю тебе удачи, девочка. Лучше уезжайте из города. В конце каждой недели от школы отходит обоз с ранеными, беженцы могут к нему присоединиться. По крайней мере, его охраняют солдаты. Бросайте всё и уезжайте! Армия степняков очень быстро движется на столицу, Туринг у неё на пути. Если что, я тебе этого не говорил, но мы проигрываем войну. Безопаснее всего ближайшие годы будет в Вольвгандте. Оборотни хоть и воюют против степняков, но на Вольвгандт те не пойдут. Им нужна Ритания. Поэтому уезжайте туда, когда всё успокоится, сможешь вернуться. Здесь оставаться опасно, может начаться обстрел города!

Простившись с Нерусом, я зашла в дом, еле передвигая ноги.

– Где была? – недовольно сказала мне свекровь, – ребёнок ещё не ел, а ты где-то бегаешь. Иди ставь тесто! Испечёшь хлеб. Что у тебя с лицом?

– Нам нужно уезжать из города, скоро здесь будут степняки, – про гибель Эдана язык сказать не повернулся, – я встретила господина Неруса, в конце каждой недели из города уходит обоз с раненым от школы. Это послезавтра. Сегодня напеку хлеб, завтра собираем вещи.

– И куда мы поедем?!!! Где мы нужны?!!! – заохала и запричитала свекровь, но я оборвала её резким:

– Зато живыми будем…

Так через два дня мы оказались в обозе с беженцами, такими же солдатскими и офицерскими жёнами и вдовам с детьми, покидавшими разорённый войной, некогда богатый Туринг.

Мы ехали по Ритании, и я, та, что ни разу не выбиралась из городских ворот, и изучала географию только по картинкам в учебниках, не могла прийти в себя от видов не вспаханных полей и деревень, оконца которых были заколочены крест на крест. Война прошлась по всей стране, затронув даже удалённые от границ области. В обозе плохо кормили, но у нас был небольшой запас еды, которого пока хватало. Про смерть Эдана его матушке я пока не говорила, и она мучила меня тем, что без конца щебетала о нём и о том, как будет хорошо жить после войны, когда её сын вернётся.

В обозе я сошлась с семьёй небогатых купцов, Мари и Транка, они жили в Туринге на другом конце города, поэтому раньше я с ними не встречалась. У них росло пятеро детей, которых так же увозили от войны. Сонея познакомилась в обозе с военным казначеем, который выдавал довольствие и денежные средства вдовам. Она постоянно пропадала рядом с его повозкой или шатром на стоянке. Мари и Транк сочувственно посматривали на меня, когда я в очередной раз пыталась найти свою свекровь, чтобы она посидела с Ллойдом, пока я займусь стиркой и приготовлением пищи.

– Матушка Сонея, мне нужна Ваша помощь… – я не успела договорить, как моя свекровь разразилась потоком брани.

– Как ты меня достала, маленькая шлюха! Вцепилась в моего сыночка и женила на себе! Вот вернётся мой мальчик домой, поговорю с ним, чтобы бросил тебя! Я найду ему достойную девушку в невесты, и она родит ему много детей! От тебя и твоего ублюдка одни неприятности!

Сначала от шока я не могла вымолвить и слова: ладно, она могла ненавидеть меня, но как эта женщина посмела оскорбить собственного внука, назвав его ублюдком? Потом я не выдержала, и слова сами слетели с моих губ:

– Ваш сын не вернётся, он погиб! Нам нужно держаться вместе и помогать друг другу, а Ллойд останется Вашим единственным внуком!

Я забежала в наш шатёр, который мы разделили с Мари и её семьёй, нашла извещение о смерти и протянула его Сонее.

– Ты… скрыла от меня! Будь ты проклята, тварь! – и в этот момент поднялся ветер, который бросил горсть песка мне в лицо, засыпав глаза. – Не один мужчина не сделает тебя счастливой, только мёртвый!

Свекровь закатилась в истерическом смехе, а затем завыла в голос. Она оказалась ночевать со мой в одном месте и на несколько дней куда-то пропала, Транк сказал мне, что она едет в повозке интенданта.

Затем пропали её вещи и свидетельство смерти Эдана, но я не стала выяснять отношения, понимала, что мать разбита новостью о гибели сына, почуствовала себя виноватой.

– Не переживай, Эль. Если она разумная женщина, то поймёт, почему ты так поступила, – видя мои переживания сказала Мари, – а если нет, то никакие слова не заставят её простить тебя! Она же кинула на тебя проклятье!

– Я не верю в проклятья, Мари. Моя мама была эльвинкой, она говорила, что проклятья сбываются только тогда, когда сам человек верит в них!

Моя свекровь меня не простила, дальнейшие события раскрыли мне глаза на степень её ненависти ко мне.

Наш обоз проехал границу с Вольвгандтом, и мы оказались в диких, не хоженных лесах, через которые вела ухоженная, но более узкая, чем в Ритании, дорога. Уже был конец осени, и если на родине ещё было достаточно тепло, то здесь чувствовалось дыхание зимы.

В шатрах появились жаровни, которые плохо помогали холодными ночами. Наконец-то мы добрались до лагеря беженцев, расположенного в небольшой долине на берегу реки, по берегам которой стояло море шатров и шалашей, а также армейских палаток. В лагере стоял шум, поддерживаемый гулом реки, текущей по огромным валунам и с гулом разбивающейся о них.

Поставив на выделенном для нас месте свой шатёр, мы с Мари пошли знакомиться с руководством лагеря, которым оказался старый и тощий ританиец – полукровка. Его голос был тихим и сонным, и мы поняли, что такой человек не в силах поддерживать какой-либо порядок. Скандалы, драки, воровство – вот что встретило нас в этом месте. Я обрадовалась, что познакомилась с такой семьёй, как Тарк и Мари, они помогали мне, оставшейся в одиночку с грудным ребёнком, справляться с упавшими на меня проблемами.

Мы с Мари по очереди приглядывали за детьми, готовили еду и наводили порядок в нашем импровизированном доме. Однажды я шла с речки и услышала:

– Погляди, Вирт, какая красотка!

Я оглянулась и увидела двух чистокровных оборотней в форме армейских частей Вольвгандта, разглядывающих меня с животным интересом. Я быстро отвернулась и постаралась, насколько возможно, ускорить шаг, ведь мне мешала это сделать корзина с мокрым бельём, которое я только что выстирала в ледяных водах реки.

– Вирт, она нас игнорирует! Ничего, сейчас познакомимся с ней поближе!

Я услышала топот за спиной, и, бросив корзину, попробовала убежать. Другие беженцы смотрели на меня, но никто не попытался за меня заступится, осадив наглецов. На улице было утро, и народ наоборот высыпал из своих убежищ, что

посмотреть на бесплатное зрелище, в котором мне предполагалась главная роль. Я получила толчок в спину, упала лицом в грязь. Меня прижали к земле и начали задирать юбку. Я почувствовала, как чьи-то чужие пальцы лезут ко мне под панталоны, развязывая шнуровку. Я задёргалась, попытавшись вырваться. но получила пинок под рёбра. Я оторвала с силой голову от земли и заорала! Насильники опешили, ведь всё происходящее до этого творилось в тишине. Мне рукой закрыли рот, но я вцепилась зубами в эту руку и прикусила её с такой силой, что почувствовала вкус крови. Тут же удар по лицу чуть не заставил меня потерять сознание, из носа хлынула кровь.

– Ах ты, сука! – заверещал противным голосом один из мужчин, а второй опять пнул меня под рёбра. – Солдатская шлюха, а ещё и упирается!

– Я не шлюха… – промычала я, пытаясь вытереть лицо от крови.

– У нас другие сведенья, детка!

И тут я увидела бегущего в нашу сторону Тарка, который подхватил меня на руки, и понёс в сторону нашего шатра. Оборотни стояли и молча ухмылялись, глядя нам в след.

Глава седьмая.

– Поблагодари, Эль, Борка, и Семь Всеблагих Старцев, что всё так обошлось, – говорила мне Мари на следующий день, прикладывая к лицу компрессы. – Сынок гулял с другими мальчишками по берегу, когда увидели возню. Все побежали посмотреть, что происходит, а Борк еле узнал тебя, но сразу побежал и рассказал всё отцу.

– Я испеку ему пирог с ягодами, и отдам свистульку, которая ему понравилась, ведь если бы не он…. – мне стало тяжело говорить, а из моих глаз непроизвольно полились слёзы.

– Тебе нужен вдовий браслет.

– Что это?

– По законам Вольвгандта вдовой может считаться только женщина, носящая специальный браслет из чёрного железа. Остальные являются свободными и… как бы… общими…

– Что за дикие обычаи! И где мне нужно его получить?

– Сходим завтра к интенданту нашего обоза, кстати, вчера тут крутилась твоя свекровь, проверь, не пропало ли чего!

– Неужели она опуститься до воровства?

– Проверь, Эль! Она уже наслала на тебя проклятие, веришь ты в это или нет! Что такое кража по сравнению с этим?

Я начала проверять свою сумку с вещами, вроде бы все нехитрые пожитки и несколько ценных безделушек, захваченных мной перед отъездом, были на месте. Но я не увидела документа о нашем браке с Эданом, а также моего разрешения на фамилию для мужа. Слава Старцам, что свидетельство о рождении Ллойда лежало у меня в другом месте, и оно осталось целым. Я поблагодарила своего отца, в котором была сильна купеческая жилка, он без конца наставлял меня, что нельзя хранить все яйца в одной корзинке, поэтому ценные вещи и документы я разделила на части, и только я знала, где и что у меня припрятано!

На следующий день я, Мари и Тарк отправились к интенданту, посадив смотреть за детьми пожилую женщину из полукровок, также вместе с нами бежавшую от войны. Мари наказала ей не впускать посторонних в шатёр, на что та ей ответила:

– Я вдова коменданта крепости, мимо меня и мышь не проскользнёт!

Интендант встретил нас недовольным взглядом: мы помешали наслаждаться ему огромным куском окорока и свежими овощами, которых сами мы не видели уже несколько недель.

– Что нужно? – рявкнул он, нехотя отрывая свой взгляд от тарелки.

– Я – вдова солдата, погибшего в бою со степняками. Я могу получить вдовий браслет?

– Как тебя зовут?

– Эллирея Вакур! – громко и чётко произнесла я, но странная реакция на мои слова заставила меня удивиться.

– Кто – кто? А как звали твоего мужа? – интендант вскочил из-за стола.

– Эдан Вакур. У меня от него сын, Ллойд Вакур.

– Милая девушка, я не знаю, от кого у вас сын, может, и в правду его заделал Вакур, но его женой и, соответственно, вдовой, вы быть никак не можете! А за обман лица, находящегося на королевской службе, вы можете попасть в тюрьму!

– П-п-почему? – мои губы задрожали, – я вас не обманываю! Вот свидетельство о рождении! – я протянула бумагу, на которой горела королевская печать нашего муниципалитета и рядом стояла магическая отметка Храма, в списки которого также попадали все новорождённые дети.

– Так – так… что это у нас? Отец – Эдан Вакур, мать – Эллирея Вакур, сын – Ллойд Вакур… Может быть и так. Но как вы объясните то, что только вчера я выдал вдовий браслет женщине, показавшей мне свидетельство о смерти её мужа – Эдана Вакура? И, кстати, брачный документ тоже был у неё!

– Вот тварь, – подала голос Мари за моей спиной, – мало того, что прокляла, так украла документы и захапала браслет!

– Я не понимаю… – правда о матушке Эдана с трудом начала доходить до моего сознания.

– Мы с мужем готовы подтвердить, что эта девушка и есть – Эллирея Вакур, вдова Эдана Вакура, погибшего на войне! Мы знали эту семью ещё в Туринге! – Мари была готова пойти на маленькую ложь, чтобы заступиться за меня!

– Спасибо, Мари… – я, оглушённая новостями, не знала, что мне делать дальше: без вдовьего браслета у меня был один путь – в разорённую войной Ританию, ведь становится шлюхой для всех оборотней подряд я не желала!

– Возвращайтесь к себе, мы рассмотрим ваш вопрос, и, если с чьей – либо стороны была попытка ввести нас в заблуждение, мы разберёмся. – прозвучал незнакомый мужской голос в палатке интенданта. Его обладатель был скрыт в тени, и лица видно не было. Нам ничего не оставалось, как убраться восвояси.

По дороге к нашему жилищу я почувствовала себя неспокойно, как будто что-то толкало меня идти всё быстрее и быстрее, под конец я сорвалась на бег. Перед входом я увидела свою свекровь, что-то вырывающую из рук пожилой женщины – полукровки, оставшейся с нашими детьми.

– Не смей! – закричала я, мой вопль показался мне еле слышным в шуме лагеря, но Сонея дёрнулась, отпустив тряпичный свёрток, в котором лежал мой сын. Женщина оглянулась и, увидев меня, пустилась бегом прочь от нас. Тарк и я собирались её перехватить, но на окраине лагеря её ждала коляска, в которую она запрыгнула и покатила по дороге. Какой-то мужчина на козлах гнал и пристёгивал лошадей. Они быстро скрылись из виду, а мы, разгорячённые и взбудораженные, вернулись домой.

– Мари! Как она могла? Как? Я не понимаю! – через несколько мгновений я рыдала на руках у Мари.

– А что ты не понимаешь? Какая ты ещё девчонка! Ты говорила, что муж развёлся с ней, а теперь у неё не позорный статус брошенной жены, а почётный – вдовы солдата, погибшего в бою! Оказывается, всем вдовам положены деньги и привилегии, которых эта тварь тебя лишила!

– А Ллойд? Зачем он ей?

– Возможно, заменить любовь к Эдану любовью к внуку, не знаю…

А я поняла, о чём говорила Мари. Недалеко от нас, в нашем торговом квартале жила пожилая чета, которая, воспользовавшись своими связями, отобрала у своей невестки, вдовы их сына, двоих детей. Супруги сами решили их

воспитывать, обвиняя перед всеми свою невестку в беспутстве, пьянстве и разврате. Бедная мать могла видеть своих детей только издали, наблюдая из коляски или из-за угла, за их прогулками.

Я была рада, что сегодня пожилая полукровка, вдова коменданта, спасла мою жизнь, ведь я не знаю, как бы я выжила после того, как моя свекровь украла моего Ллойда! Список моих долгов пополнился, и я, собравшись с духом, начала их отдавать. Я испекла ягодный пирог для Брока, постирала вещи комендантши, навела порядок в жилище. Работа прекрасно отвлекла меня от невесёлых мыслей, и я, покормив и уложив сына спать, сама уснула крепким сном, надеясь, что королевские чиновники во всём разберутся, и у нас сыном, наконец, всё наладится!

Глава восьмая.

Следующее утро принесло неутешительные вести: мою свекровь не нагнали, она сбежала с казначеем, они прихватили деньги из казны, положенные на выплату пособий беженцам. Из-за этого почти все ританийцы оказались под угрозой голода. Положение в лагере и так было тяжёлым, но зима обещала быть суровой, и на закупки провианта многие тратили последние деньги. Хорошо, что вольвгандцы дали разрешение на рубку деревьев в заповедных лесах, иначе зима могла бы стать не только голодной, но и холодной.

В лагере ждали приезда начальства от короля Вольвгандта – Целиуса Двуликого. Беженцев передавали на попечение принимающей стороне. Было понятно, что ританийский монарх не в силах содержать огромное количество людей, которым пришлось уехать от войны. Мне стало ясно, что скоро грядут перемены. И вот сейчас только я пожалела, что была не внимательна на уроках Леогаста, когда мы проходили законы и обычаи Вольвгандта, ведь я уже попалась на незнании оных в истории со вдовьими браслетами.

Какую ещё неприятность мне могло это принести, я не знала. Хотя я стала опять в одиночестве передвигаться по лагерю, больше меня никто не пытался домогаться, только однажды я увидела, как несколько оборотней в военной форме нагло разглядывали меня, но никто из них не подошёл и не сказал мне ни слова!

В один из первых морозных дней к нам в шатёр зашёл посыльный и передал для меня приглашение к интенданту. Мари засобиралась со мной, но я не дала ей пойти: одна из её дочерей заболела. Сама я не волновалась – будь что будет!

В палатке интенданта я увидела трёх незнакомых мужчин, и все они были в форме вольвгандтских войск. Один из них взглянул на меня и сказал:

– Эллирея Вакур? Из тех самых Вакуров?

– Да, я – Эллирея Вакур, но про тех самых не знаю. Я – сирота, родители давно умерли…

– Я – новый начальник лагеря. Позвольте представится: Демиус Трикотт, – мужчина протянул мне руку. Я удивилась: с чего бы такая честь? Я подняла глаза и увидела молодое лицо, рыжые волосы и голубые смешливые глаза.

– Очень приятно. Вы что-то хотели мне сообщить?

– Присаживайтесь, Эллирея, не часто можно встретить такую красавицу, да ещё в таком месте… Как вам тут живётся?

– Э-э-э, как и всем, – ответила я, – на родине было бы лучше.

– Вы из какого города?

– Из Туринга.

Мужчины переглянулись между собой.

– Эллирея, у нас для Вас есть две новости.

– Хорошая и плохая?

– Нет, скорее плохая и очень плохая, – мужчина замолчал и резко спросил: – а кем Вам приходится Риган Вакур?

– Мой дядя, а что?

– Когда Вы видели его в последний раз?

– Около четырёх лет назад, когда умер мой отец… А в чём дело, я могу узнать?

– А дело в том, деточка, – включился в разговор другой мужчина, сидящий слева от меня, – что твой дядя – государственный преступник, предатель и разбойник. Если мы его поймаем, его ждёт мучительная смерть!

– А я здесь при чём? Я же говорю, что практически не знаю никого из семьи отца! Мой дядя и приезжал тогда, чтобы отобрать моё имущество, но слава Старцам, у него это не вышло! Если вы хотите обвинить меня в преступлениях моего дядя, то это – глупая затея!

– Никто тебя не обвиняет, Эллирея. Вольвгандту плевать на королевские указы из Ритании, просто нашим… лазутчикам нужны любые сведения о главном поставщике товаров для Степной Империи. А ты, как мы видим, вроде бы и правда ничего не знаешь о своём дяде, – опять включился в разговор рыжеволосый Демиус.

– А какая это была новость – плохая или не очень? Мне она показалась бесполезной…

– Плохая новость – Туринг разрушен, архивы сгорели в пожаре, восстановить твои документы о браке с Эданом Вакуром невозможно!

Я что-то такое и предполагала, поэтому мой настрой и эта новость не поменяла.

– Понятно… я свободна? – я поднялась, собравшись уходить, но мне этого сделать не дали.

– Куда же вы торопитесь, юная госпожа? Вы ещё не выслушали наше предложение! – глаза рыжеволосого оборотня засветились от предвкушения чего-то интересного: так горят глаза у мальчишек, провернувших какую-нибудь каверзу.

– Я слушаю вас, – я села на место, сложив руки в замочек. Леогаст эту мою позу называл "включить ученицу".

Демиус как-то сразу стух, взглядом передав разговор мужчине, сидевшему справа.

– Вы – юная девушка, хотя успели сходить замуж и родить ребёнка, Ваш статус не определён, без вдовьего браслета в нашей стране вы сможете получить только статус лорки. В Вас, пусть и немного, течёт кровь оборотней. Наши сам… мужчины это чувствуют и видят отсутствие метки принадлежности, а также чувствуют, что Вы – не девушка! А ещё без браслета вдовы…

– Чувствуют? Как?

– По запаху, Эллирея. Мы сейчас выпили специальное зелье, которое отбило ваш запах, чтобы мы могли спокойно с вами разговаривать.

– И что мне делать… со всем этим?

– Выслушайте наше предложение. Оно точно будет выходом из ситуации для вас и вашего сына. Недалеко отсюда располагается поместье нашего генерала, героя войны, в которое вы отправитесь в качестве прислуги. Там сейчас располагается больница для раненых и инвалидов. Там нужны рабочие руки, но ританийцы неохотно соглашаются работать в ней. В поместье вам выделят жилую комнату, еду и небольшую оплату, пять серебряных волков в месяц.

– Всё понятно, только в чём же подвох? Мама учила меня, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке!

– Какое же Вы ещё дитя… Никакого подвоха, Ваша задача – ответить на нашу доброту Вашей! Вы должны будете отправить дяде письмо по обычной почте. Что написать в письме – Вам скажут. И всё! А работа, жильё и деньги останутся при вас!

– Я могу подумать? – спросила без надежды на положительный ответ.

– До завтра! – Демиус хитро прищурился: – Завтра утром ждём твоего… положительного ответа!

Глава девятая.

– Соглашайся, Эль, – перед сном сказала мне Мари, – я не хотела тебе говорить раньше, но завтра мы тоже убираемся из этого места. Транку предложили должность приказчика на лесопилке в дне пути отсюда. Там нам выделили дом. Сама видишь, мои дети постоянно болеют, ведь в них нет крови оборотней, которая помогает избежать простуд! А одна ты долго не протянешь!

– Я всё понимаю, Мари. И дикие законы Вольвгандта, и предательство моей свекрови уменьшили мои шансы на спокойную жизнь в лагере, но я боюсь, что эти лю… оборотни не рассказали мне всего о том месте, куда меня отправляют!

– Ты должна дать свой ответ завтра?

– Да, уже утром!

– Транк, а ты знаешь кого-нибудь из местных, может полукровку? Нам бы его расспросить.

Сонный Транк накинул плащ и вышел из шатра, а через десять склянок вернулся с бородатым и каким-то грязноватым мужчиной неопределённого возраста.

– Это Бьорн, он полукровка из стаи Чёрного леса. Задавайте свои вопросы, он пообещал рассказать о том, что знает.

– Здравствуйте, Бьорн. Меня зовут Эль. Я завтра должна отправиться на работу в чьё-то поместье, где расположена больница. Вы не знаете ничего об этом месте?

– Юная госпожа, очень приятно! – Бьорн низко поклонился мне. – Вы полукровка?

– Нет, мой дед по отцу был полукровкой, во мне мало волчьей крови.

– Полукровке не место во владениях Чёрного Герцога! Там все женщины без мужа – лорки!

– А кто это такие? Я во второй раз слышу это слово. Люди, то есть, оборотни, предложившие мне работу в том поместье, тоже говорили о статусе лорки.

– Лорки – это самые презренные самки, которые принадлежат не одному мужчине, а всей стае!

Мари ахнула, а я открыла рот, чтобы сказать:

– Шлюхи, значит, – Мари ахнула повторно, видимо, не ожидая от меня таких слов. Она не знала, что своё детство я провела на улице и видела много неприглядных вещей, и знала много грубых словечек, которыми приходилось изъясняться с грузчиками и старавшимися тебя обмануть приказчиками и торговцами.

– Шлюха? О нет, госпожа! Шлюха – это в некотором роде… гмм.. профессия человеческих женщин, зарабатывающих себе на хлеб, а лорка – это статус в обществе оборотней. Если продажная женщина чисто теоретически может выйти замуж, то на лорке никто никогда не женится!

– И что, все девушки – полукровки получают этот статус?

– Нет, только те, которые лишились своего девства до церемонии связывания.

– А при чём здесь я? Объясните, пожалуйста, господин Бьорн!

– Вы пахнете, как полукровка, но лишившаяся невинности, но при этом парной метки у Вас нет.

– Но я была замужем! Мы прошли церемонию в Храме!

– Тогда должен быть браслет, а у Вас его нет! Он отбивает запах, и волчья сущность оборотней не чувствует запах самки. А пока Вы – лакомая добыча для всех самцов!

От неприятной информации у меня заболела голова. Значит, Демиус обманул меня, предлагая работу в таком месте, где моя жизнь может оказаться адом?

– А ещё, юная госпожа должна знать, что ещё до войны прислугой в этом поместье отказывались становиться все юные девушки, даже чистокровные оборотницы.

– Почему?

– Чёрный Герцог Юлиус Картер не терпит отказа! Чистокровная волчица никогда не получит статус лорки, даже если окажется не невинной, а с полукровками всё гораздо хуже: попользовавшись ими, Герцог отдавал их на забаву своим солдатам. Многие не выживали!

–Какие ужасы вы рассказываете, господин Бьорн! Неужели это правда?

– Истинная, госпожа Мари! Я бы не советовал юной госпоже устраиваться на работу в такое место!

– Боюсь, господин Бьорн, мне не оставили выбора…

– Ты как? – спросила на утро меня Мари, наблюдая за моими рассеянными сборами и красными не выспавшимися глазами. – Может, откажешься и поедешь с нами? Транк согласен взять тебя и сына с собой, мы сможем позаботиться о вас двоих, Эль!

– Нет, спасибо, Мари! Я не могу висеть на вашей шее, у вас у самих есть те, о которых нужно заботиться, а я постараюсь выкрутиться сама!

В палатку начальника лагеря я шла уверенно, зная, что попрошу.

– Доброе утро, Эллирея! – весело и бодро встретил меня оборотень, – я ждал твоего прихода! А ты – ранняя пташка!

– Доброе, господин Демиус, я собрала вещи и готова ехать в поместье. Только у меня есть вопрос: каков будет мой статус в Вольвгандте, раз я не могу носить

браслет?

– Не переживай, девочка! Я дам тебе амулет Сокрытия. Ты будешь носить его постоянно, и никто не почувствует твой запах! Главное, постарайся его никогда не снимать!

Мужчина достал огромную шкатулку, которая доверху была заполнена странными светящимися кулонами голубого цвета. Он вынул один и протянул мне:

– Одевай!

Я взяла кулон в руки и повесила его себе на шею. Длинная золотая цепь, на которой он висел, помогла скрыть амулет под одеждой.

– Когда мне отправляться?

– Уже скоро, мой солдат зайдёт за тобой и сыном. Можешь быть свободна. И ещё, Эллирея Вакур, не забудь о своих обязательствах, – голос мужчины похолодел, а взгляд стал цепким и холодным, – иначе и МЫ забудем о своих!

В свой шатёр я возвращалась бегом, боясь не успеть попрощаться с дорогими мне людьми, ведь Транк и Мари тоже сегодня отправлялись на новое место. По дороге я натолкнулась на оборотня, лицо которого мне показалось знакомым, но я не придала этому значения. Он втянул носом воздух и поморщился, отступив назад, давая мне дорогу. Лишь потом я поняла, что это был один из несостоявшихся насильников.

Часть вторая. Перелом.

Глава десятая.

В поместье нас с сыном встретили не очень дружелюбно, но и не так, как я боялась. Высокая рыжеволосая женщина в возрасте показала мне мою комнату и представилась:

– Ириена Долмьер, экономка. Для тебя – госпожа Ириена или просто госпожа. Всё понятно?

– Да, госпожа Ириена.

Она была прямолинейна и груба, но у меня и так хватало опасений, чтобы ещё задумываться о характере людей и оборотней, которые меня окружали.

– Завтра с утра твой начальник, доктор Марцелус Симинг раскажет тебе о твоих обязанностях по больнице. Завтраки, обеды и ужины у нас проходят на кухне для персонала в строго отведённое время. Опоздаешь – останешься голодной!

– Я поняла, госпожа Ириена.

– Во время регулов выход из комнаты запрещён, в полнолуние выход из комнаты запрещён, смотреть в глаза альфам и бетам запрещено…

– Извините, госпожа, а как я отличу альф и бет от других… гмм… особей?

– Поверь, отличишь. И вот ещё что: общаться с женщинами в статусе лорки тоже запрещено, если не хочешь получить проблемы! Да, забыла, как там тебя…

– Эллирея, госпожа Ириена!

– Как будет коротко? Мы – не ританийцы, язык ломать не приучены!

– Можно Эль, госпожа.

Ллойд завозился на моих руках, время кормления пришло. Я начала расстёгивать платье, доставая грудь и выразительно глядя на экономку.

– Отдыхайте! Ребёнка можешь брать с собой, в подсобке есть всё необходимое для мамочек… Он у тебя полукровка?

– В какой-то мере…

Женщина поморщилась и сказала:

– Нам нужны рабочие руки, поэтому я не лезу в твою жизнь, но у нас здесь много свободных мужчин. Мой тебе совет – будь с ними аккуратной, девочка!

На этой радостной ноте меня с сыном оставили в маленькой комнате. Так как мы приехали в поместье поздней ночью, рассмотреть его мне не удалось, но я надеялась восполнить этот пробел в моих знаниях на следующий день. Обдумав сказанное экономкой, я, в который раз, пожалела о своей невнимательности на уроках магистра Леогаста. Он, как чувствовал, что я окажусь в Вольвгандте, пытаясь впихнуть мне в голову знания об этой стране! Но эти знания, если и были, никак себя не хотели проявлять!

Утро началось с того, что меня разбудила какая-то девушка очень странного поведения. Она поскреблась в дверь моей комнаты, и когда я открыла её, тихим голосом сказала:

– Госпожа, Вас ждут на завтрак на кухне. Собирайтесь, я Вас провожу.

Я не знала, что впервые вижу девушку – лорку. Мне показалось странным её поведение только на мгновение, потому что моя голова была занята совсем другим. И вскоре я заходила на огромную кухню, где за столом разместились около двадцати мужчин и женщин разного возраста. Моя провожатая незаметно исчезла.

– Здравствуйте, господа! Меня зовут Эллирея! Я тоже здесь буду работать! – поприветствовала я собравшихся и присела за стол, поудобнее расположив сына на руках, чтобы он не мешал мне завтракать.

В ответ я так не услышала ни слова, только несколько мужчин и женщин потянули ноздрями воздух и поморщились.

– А что, эта милая девушка, которая привела меня сюда, уже позавтракала? – спросила я, накладывая себе дымящуюся кашу.

Тишина в кухне меня оглушила. Даже прекратился стук ложек об тарелки. Я обвела взглядом сидящих, не понимая, что не так я сказала!

– Это лорка. Они с нами не едят, – ответила мне сидящая рядом женщина.

– Понятно… – выдохнула я, радуясь, что не сказала ещё большую глупость.

– Это ваш сын, Эллирея? – спросила меня та же женщина.

– Да, его зовут Ллойд Вакур.

– А ваш муж, он…

– Он погиб на войне.

– Извините…

– Ничего, я свыклась…

Разговор как-то затих, но все продолжали с любопытством разглядывать меня. После завтрака я и несколько женщин вышли из здания во двор, и я, наконец, с любопытством осмотрела поместье.

Дом был огромным, двухэтажным, построенным из серого камня. Это был не дом, а целая крепость, огороженная таким же каменным забором. В огромном дворе располагался вход в ещё одно здание более казённого вида, тоже двухэтажное, но более мелкое и приземистое. Оттуда вышли несколько оборотней в военной форме. На руке одного из них красовалась нашивка в виде белого круга – знака целителей и врачей. Я догадалась, что этот оборотень в офицерском мундире и будет моим начальником.

Я оказалась права. Когда я вместе с другими женщинами подошла ко входу, оборотни дружно втянули воздух и отпрянули от нас. А этот остался на месте и произнёс:

– Новенькая?

– Да, господин!

– Марцелус Симинг! Старший лейтенант королевской гвардии и директор больницы Чёрной Луны. А вы…

– Я – Эллирея Вакур, господин Марцелус! Ританийка и беженка. Мне предложили работу в вашей больнице, и я согласилась!

– А Ваши родные не против того, чем Вам придётся заниматься здесь, юная госпожа?

– Нет, господин Марцелус! Я сирота и вдова!

Стоящие мужчины вслед за доктором поглядели на мою руку, и, не обнаружив на ней браслета, ещё раз втянули воздух и поморщились. Мне стало смешно, я отвернулась, чтобы моей улыбки никто не заметил, и поправила кусок ткани, завязанной вокруг меня крест-накрест, в сердцевине которой на спине сидел мой сынок.

Все женщины начали заходить внутрь, и я поторопилась следом за ними. Меня нагнали чьи-то шаги, и голос доктора шепнул мне на ухо:

– Амулет Сокрытия? Интересно! Зайдите после обеда ко мне в кабинет, поговорим!

Вместе с другими женщинами я получила задания, моя работа заключалась в мытье полов, выбрасывании мусора и выносу горшков в палатах для тяжелораненых и не ходящих больных. Это была хотя и тяжёлая, но не сложная работа, с которой я знала, что справлюсь. Пусть я и не ухаживала никогда за больными, но в то время, когда мой отец начал сильно пить, мне приходилось убирать за ним. Здесь же были не пьяницы, а оборотни, пострадавшие в войне из-за огнестрельного оружия, некоторые были без ног, некоторые без руки или обеих рук, самыми лёгкими больными были те, у которых оторвало от взрывов только кисть или ступню, они считались ходячими, и за ними особый уход не требовался, только перевязка.

У оборотней регенерация считалась лучшей в мире, но новое оружие не давало шанса: вырастить конечность взамен утраченной, практически невозможно, если использован огонь или чёрный порошок.

Сына я оставила в подсобном помещении, где кружилась девочка лет семи.

– Моя дочь – Велия, она посмотрит за малышом, – сказала мне одна из оборотниц.

– Она сама – ребёнок, – засомневалась я.

– Она уже два года как нянчит за плату чужих детей, – ответила оборотница, – так что не волнуйся, твой сын будет в надёжных руках. А кормить будешь приходить!

Я не стала спрашивать, как это возможно, что семилетний ребёнок уже два года как зарабатывает деньги, ведь я в чужой стране, здесь другие обычаи, и не мне их осуждать.

После обеда я с опаской постучала в дверь, на которой было выведено чёрной краской:

Доктор Марцелус Симинг

и после короткого: " Войдите" зашла в кабинет.

Кабинет был по-военному лаконичен: стол и два стула, на одном из которых восседал Марцелус, стены были голыми и побеленными, на подоконнике лежала стопка книг.

Глава одиннадцатая.

Мужчина оторвал голову от бумаг, в которых он что-то читал и быстро вычёркивал.

– Проходите, Эллирея, присаживайтесь, вот, знакомлюсь с бухгалтерией больницы. Только неделю назад назначили на эту должность.

Я состроила заинтересованное лицо, хотя меня интересовало другое: зачем он меня пригласил к себе? Это просто знакомство с новой работницей или опять какая-то неведомая для меня интрига?

– Можете называть меня Эль, – тихо произнесла я.

– Эль? Красиво! – оборотень откинулся назад и начал разглядывать меня, затем опять принюхался. – Ты очень красивая девушка, Эль! Ты знаешь об этом?

Я пожала плечами, не зная, что ответить. Я никогда не задумывалась о своей внешности, мне она жить не мешала.

– Мы, оборотни, очень тесно связаны со своим волком, в нас очень сильны инстинкты. Один из самых сильных – это инстинкт размножения! Мужчины – оборотни очень падки на женщин… любых женщин… любых рас…

– И к чему вы мне об этом говорите, доктор Марцелус?

– Ты думаешь, что амулет, который тебе дали в Тайной Канцелярии, спасёт тебя от оборотня? Это заблуждение, Эль! Да, твой запах стал отталкивающим, но отсутствие браслета вдовы, наличие в тебе нашей крови и маленький ребёнок только привлекают к тебе внимание!

– И что же мне делать?

– Выбери одного из нас! Пусть только один станет твоим защитником и любовником! Иначе ты будешь считаться общей, а статус лорки – это худшее, что может произойти с женщиной в нашей стране!

– Я никогда не собиралась жить в Вольвгандте, и если бы не война, то меня бы здесь не было… Я уважаю ваши обычаи и традиции, и прошу уважать мои, ританийские! То, что вы предлагаете мне, просто невозможно! Я не собираюсь спать с мужчиной только потому, что мне требуется защита! Извините, доктор! Мне пора кормить ребёнка! – я встала и направилась к двери. Какой наивной я

была!

– Постой, Эль, присядь! – я села обратно. – Я не хотел тебя обидеть! Послушай, цепочка может порваться, или ты окажешься на улице в полнолуние, когда чары амулета на нас не действуют: всё что угодно может произойти, нельзя предвидеть многое! Я просто предложил тебе выход, но если он для тебя не приемлем, есть ещё одно средство, но использовать его можно только один раз в полгода, а хватает его действия только на две недели.

Марцелус замолчал, а я подалась вперёд, умирая от любопытства.

– Я изготовлю для тебя отворотный порошок, который может скрывать не только запах, но и твою ауру. Растворишь порошок в стакане воды – и твоя суть поменяется.

– Спасибо, доктор! Но, я так понимаю, что за это буду вам что-то должна?

– А ты не только красивая, но и проницательная! – заулыбался доктор. – Понимаешь в бухгалтерии?

– Ну да, я четыре года вела дела в своей лавке, вернее, лавке отца…

– Вот и поможешь мне! Не дело такой красоте горшки носить и полы драить! Сегодня дорабатывай на своём месте, а завтра примешь дела. Все книги передаст тебе экономка.

– Хорошо, господин Марцелус! Как скажете!

На следующий день экономка с недовольным видом вручила мне бухгалтерские книги и ключ от маленькой каморки, находящийся в ограждающей поместье стене. За неделю управившись с записями, найдя несоответствия и откровенный обман, я отнесла бумаги господину Марцелусу. Делать мне было нечего, и я решила осмотреть огромный двор. Маленькая оборотница хорошо справлялась с обязанностями няньки, и днём я частенько бывала свободна.

Я поднялась на крепостную стену, поплотнее укутавшись в плащ. Он был тонким и не сильно спасал от мороза, но гулять мне было некогда, поэтому о более

тёплой одежде я как-то не задумывалась. Тут меня привлекли чьи-то странные поскуливания и стоны, похожие на стоны боли. Всё это сопровождалось чпокающими звуками, похожими на звуки взбиваемого масла.

Я решила пойти и посмотреть, что происходит. Может, кому-то требуется моя помощь? Зайдя за поворот, я резко остановилась. Картина, открывшаяся перед моими глазами, вызвала у меня непроизвольный спазм в желудке: двое мужчин совокуплялись с одной женщиной.

Она стояла на коленях и локтях, её юбка была задрана вверх, почти полностью закрывая голову. Мне не было видно её лица, я могла наблюдать только то, что пристроившейся сзади мужчина резко засовывал своё орудие не в традиционный, предназначенный природой вход, а в задний, от каждого движения в который женщина кричала, видимо, от боли, потому что я чётко увидела запёкшуюся кровь между её ягодиц. Второй мужчина обхаживал рот женщины, заглушая её крики и стоны. Стоявший сзади насаживался на женщину так сильно, что под его пальцами я увидела синяки, уже начавшие чернеть.

Я не сдержала спазм, повторно накативший на мой желудок, и вырвала весь обед, что недавно съела. Утирая рукой рот, я увидела, что мужчины неприязненно глянули на меня, надели брюки и ушли, а женщина, с трудом поднявшись по стене, одёрнула платье и обернулась. Эта была та самая девушка, проводившая меня в мой первый день на кухню.

– Как вы, госпожа?

– Нормально, это я у тебя должна спрашивать, всё ли в порядке, – с горечью произнесла я, не зная, что сказать этому замученному и окровавленному созданию. Её рот был порван. – Давай пройдём в больницу, тебя осмотрят!

– Нет, госпожа, я не пойду. Я полукровка, через два дня всё само заживёт! – она улыбнулась мне порванными губами.

– Как тебя зовут? – хрипло спросила я, всё никак не отошедшая от этой жуткой картины.

– Лорка, госпожа.

– Нет, лорка – это твой статус, а имя у тебя какое? Вот меня зовут Эль.

– Очень приятно, госпожа, но лорок лишают имени…

– Я не гражданка Вольвгандта, мне плевать на ваши порядки! Но, если не хочешь говорить, то не нужно!

Я развернулась и пошла в обратную сторону, зарекаясь гулять в одиночестве. И тут я услышала:

– Медея, госпожа, моё имя Медея…

Я обернулась:

– Я запомню, Медея, запомню…

Я вернулась за поворот, за которым, оказывается, ждали кого-то эти двое оборотней.

– Не меня ждёте, господа? – я остановилась.

Они втянули воздух рядом со мной, их ноздри явно пытались вывернуться, так усердно они ими работали. Но мой амулет и запах рвоты заставили их уступить мне дорогу. Я отошла подальше и стала ждать, что будет, то, что они ждут лорку, чтобы продолжить разврат, у меня не было сомнений. Но Медея так и не появилась.

Когда прошло много времени, а девушка так и не вышла из-за угла, я, вслед за мужчинами, отправилась посмотреть, а вдруг ей стало плохо. Я увидела, как один из оборотней стоит у края стены и смотрит вниз. Я медленно подошла. Я не хотела туда глядеть, но мои глаза будто зажили своей жизнью.

Внизу, на огромных булыжниках, лежала поломанной куклой молодая девушка. И тут первый раз в жизни я потеряла сознание…

Глава двенадцатая.

Три дня я не могла отойти от произошедшего: картинка переломанной девушки на камнях с кровавым разливающимся пятном под ней, стояла у меня перед глазами. Я что-то делала, что-то ела, но в голове у меня кружилась назойливой мухой одна мысль: зачем? Семь Всеблагих Старцев не примут душу самоубийцы на новый круг воплощения, ей предстоит или долго скитаться по земле неприкаянным духом, или упасть в Иллирий, к тёмным душам, где не было ничего хорошего для убившей себя души. Одно я не могла сделать, назвать погибшую Медею так, как называла падших женщин моя мать – бедняжечкой. Я считала теперь это оскорблением её памяти. Я ненавидела этих особей мужского пола, которые каждый день проходили мимо меня во дворе – этих недомужчин! Разве Медея была виновата в своей участи? Нет, эти похотливые животные, самцы – обортни!

Медея… это имя могла носить какая-нибудь девушка – героиня легенды или исторического эпоса. А в результате – такой страшный конец! Моя душа терзалась между жалостью и ненавистью.

Столько пережить и потом на камни? Моё состояние испугало доктора, и он несколько раз пытался достучаться до моего сознания, но я была, словно неживая, как будто это меня сожгли на костре после поминального обряда. Такое состояние у меня было после смерти моей матушки.

И тут, на третий день, я услышала знакомый голос:

– Эль! Эллирея Вакур! Ты ли это, девочка? – этот голос был неотъемлемо связан со счастливыми воспоминаниями в моей жизни – с Эданом и Турингом. Я оглянулась и увидела подводы с ранеными, прибывшими только что из Ритании.

– Лейтенант Горд? Это Вы?

– Да, я. Как видишь, меня слегка ранило, я теперь не гожусь для воинских подвигов. Полечусь немного и поеду на родину. А где Эдан? Что с ним? И почему ты здесь?

Мы отошли в сторонку, и я вкратце рассказала о своих злоключениях. Лейтенант не знал о гибели моего мужа, так как их пути разошлись. Горд остался охранять одну из южных крепостей, а мой муж, вместе с Чёрным Генералом, совершал рейды по тылам противника. Видимо, в одном из них он и погиб.

– А где Ваша родина, Горд?

– Я родился в предгорьях Семистрельных гор, там стоит наш посёлок. Наша стая Белых Волков пусть и не такая большая, как другие, но очень дружная и сплочённая. И у нас не отказываются от полукровок…

Мы стояли, задумавшись каждый о своём, пока Ириена не позвала меня:

– Эль, иди забери у господина Марцелуса бумаги на поступивших раненых, нужнопоставить их на довольствие!

– Эль, иди, после ужина я найду тебя в поместье, хочу посмотреть на сына Эдана! Наверное, крепкий парень получился!

– Хорошо, господин лейтенант, буду ждать в гости!

Так началась моя дружба с этим суровым воякой. Я не знала, что эта дружба спасёт меня и от самоубийства, и от участи хуже смерти – статуса лорки.

Горд стал частым гостем у нас в комнате, у него оторвало руку по локоть, но он другой, здоровой рукой качал Ллойда, совал ему погремушки. А ещё мы много разговаривали. Я рассказала ему о Медее.

– Не обижайся, Эль, но это ты виновата в её гибели…

– Я? При чём здесь я? Я видела её только два раза в жизни!

– Она сбросилась от стыда, стыда перед тобой! Она подумала, что ты вырвала, глядя на неё! Что она такая грязная и нечистая! А тут ты спрашиваешь, как её зовут. Имя у лорки может спросить только альфа её стаи перед смертью или шаман Лунной Волчицы. Она ответила тебе, признав альфой, и должна была умереть!

– Как у вас, вольвгандцев, всё запутано! Что за дикость? Молодая, здоровая девушка могла стать женой и матерью, а её… пользовали все подряд против её воли!

– Она должна была хранить свою девственность до церемонии, и никто не посмел бы тронуть девицу!

– Это глупо. Женщин у оборотней меньше, чем мужчин, и такие строгие законы. А если бы она от кого-нибудь забеременела?

– Её бы убили. Лоркам дают настой от нежелательной беременности, и они обязаны его пить. Если девушка – лорка пропускает хоть раз, то наказание – избиение плетьми.

– Горд, интересно, когда закончится война? Я уже хочу уехать отсюда! Вернуться в Ританию! Сбежать от законов волчьей стаи!

– Эль, война закончится со дня на день, но Ритании больше не существует.

– Как это?

– А вот так: Степная Империя и Вольвгандт разделили ваши земли между собой. Король Бекерт Второй отрёкся от престола.

– И что же теперь будет? А куда попал Туринг? И с кем воюет Вольвгандт?

– Туринг расстреляли из пищалей, от города осталось очень мало. Вся его территория войдёт в Вольвгандт, а с кем воюют наши войска, так это с повстанцами, которым не понравилось исчезновение Ритании. Говорят, во главе их стоит один из советников короля. А ещё мы продолжаем успокаивать мародёров, которых развелось очень много. Эти банды обзавелись трофейным огнестрельным оружием – пистолями и пищалями, и сейчас успешно воюют с нами на востоке Ритании, недалеко от степняков. Наши генералы думают, что Степная Империя так хочет увеличить территорию, которую получит по договору.

Из моих глаз потекли слёзы, я поняла, что возвращаться мне просто не куда!

Глава тринадцатая.

Больницу срочно переводили в столицу – Думбельдт, и я уже собралась уезжать вместе с персоналом, когда появился мой старый знакомый – оборотень из Тайной Канцелярии Демиус Трикотт.

– Здравствуйте, юная госпожа! – он зашёл в мою каморку, когда я собирала в сумку все бухгалтерские книги. – И куда же вы собираетесь?

– В столицу вместе с больницей, конечно же!

– Вы никуда не едете! Ваше место – здесь! Вы не выполнили пока ещё один пункт нашего договора – не написали письма своему дяде – Ригану Вакуру.

– Я могу это сделать и оттуда, – недоумённо сказала я. – Что мне здесь делать?

– Как что? Работать прислугой! Скоро возвращается с войны хозяин поместья вместе со своим полком. Здесь будет целый гарнизон солдат. Ваша задача…

– Вы с ума сошли! Я не останусь в одном поместье с таким количеством оборотней!

– А теперь слушай меня, малышка, – лицо Демиуса вплотную приблизилось к моему, и его маска весельчака и балагура сразу спала, – пока ты находишься под моей защитой, у тебя есть медальон, – мужчина резко дёрнул за цепочку на моей шее так, что я закричала от боли, – стоит тебе потерять своё расположение… у меня, медальон у тебя исчезнет! Что будет потом, знаешь, девочка? – он выпустил цепочку из рук.

Я знала, видела. У меня было приготовленный доктором порошок, но его я берегла на крайний случай.

– И что же вы хотите?

– А ничего особенного! – маска доброжелательности и игривости вернулась на лицо мужчины. – Напишешь дяде письмо и будешь присматривать за своим хозяином и его гостями: кто приезжал, когда, о чём говорили.

– Я не буду…– договорить мне не дали.

– Ты будешь делать, как тебе скажут! Иначе сын отправится в приют, а ты… – Демиус схватил меня сзади за волосы и оттянул так, что мне пришлось прогнуться в спине, – отправишься в тюрьму вместо своего дяди, перед этим испытав все прелести волчьей любви! – он улыбнулся, и его улыбка была похожа на звериный оскал.

– Хорошо! Я всё сделаю! – главное, согласиться сейчас, а затем можно будет и бежать.

– Не вздумай бежать! Из-под земли достану! – мысли, что ли читает, отстранённо подумалось мне. Весь этот разговор прозвучал в моей голове как чья-то злая шутка, я до сих пор не верила, что меня сейчас шантажировали, запугивали и угрожали физической расправой. Это были преступления, о которых я в своё время прочитала в Уголовном Уложении Ритании.

– Эль, ты собралась? – через какое-то время меня спрашивал господин Марцелус во дворе поместья. – Где твои вещи? Почему ты до сих пор не одета?

– Я не еду, господин Марцелус.

– Почему?

– Простите, так вышло, мне нужно остаться здесь, – я говорила эти слова с улыбкой на губах, хотя моё сердце обливалась слезами.

– Девочка, подумай хорошенько! Здесь скоро расквартируют сотню солдат, из которых большая часть – чистокровные оборотни! Что тебе здесь делать? Тебе здесь не место!

Я стояла и смотрела на доктора и не знала, что ему ответить: не рассказывать же ему про угрозы и шантаж со стороны его сослуживцев из Тайной Канцелярии

Вольвгандта, или про моего дядю, умудрившегося вмешаться в планы нескольких королей и одного императора!

– Не волнуйтесь, господин Марцелус. Я пригляжу за Эль, – это лейтенант Горд вмешался в наш разговор, видя, что ответить мне нечего, но уезжать я не собираюсь.

– Прощайте, доктор! Пусть Старцы и Лунная Волчица оберегают вас!

– В чём дело, Эль? Почему ты не уехала с больницей? Мне ты можешь рассказать?

– А ты, Горд, почему не уехал в свой посёлок в горах? Там же кто-то тебя ждёт?

– Эль, я не уехал, потому что не смог бросить юную вдову своего сослуживца, которая тепло принимала меня в своём доме, одну, с сыном на руках, в чужом доме и чужой стране! Не переводи разговор! Что случилось, девочка? – мягко спросил меня мужчина, в его голосе была нежность и забота. Я всхлипнула:

– Горд, если бы я могла рассказать, но пока моё молчание – залог безопасности моей и моего сына… И тебе лучше ничего не знать! Просто поверь!

В поместье работы с бумагами для меня, конечно же, не нашлось, и я стала помогать прачкам и кухаркам приводить запущенные казармы в порядок и перебирать запасы продуктов, делая пересчёт. Через неделю начали небольшими отрядами прибывать солдаты и офицеры армии Чёрного Герцога. Ириена заселяла их в потихоньку в обустроенные казармы. Вскоре прибыли каменщики и плотники, и двор поместья превратился в огромную стройку.

Возводилось новое здание, как говорила Ириена, для семей и любовниц офицеров, которыми те обросли за военное время. В трудах и заботах я практически не видела сына, оставляя свободное время только на кормление его и свой сон. И так худющая, я сильно похудела, а Ллойд становился всё крупнее, и под нижней губой у него прорезались клычки, хотя ни у Эдана, ни у меня таковых никогда не было. Горд постоянно пенял мне, что нужно прекращать кормить сына грудью, оборотни столько не кормят, и что он из меня все силы высосал. На это я смеялась и говорила, что он не оборотень, в лучшем случае – полукровка, а силы ему нужны, чтобы мамку защищать!

Я просто не стала расстраивать старого солдата тем, что мне уже зачастили непристойные предложения от солдат и офицеров. Многие морщились, принюхиваясь к моему запаху, сетовали, что такая худая, но приставать не переставали.

В начале весны вместе с большей частью своего воинства объявился и хозяин поместья. Ириена разбудила меня среди ночи громким стуком в дверь и отправила в срочном порядке готовить гостевые покои с ещё одной девушкой.

Гостьями оказались две дамы очень милой наружности с ярко-рыжими волосами оборотниц и раскосыми зелёными глазами. Они были похожи друг на друга, как две сестры. " Фаворитки Герцога", – шепнула мне моя напарница по уборке. Девушки оказались капризными особами и долго не давали нам уйти досыпать, мучая бесконечными:

– А под кроватью пыль протёрли? А то я не могу находиться в пыльных помещениях!

– А шкаф помыли? Мои платья стоят очень дорого! Я не повешу свои роскошные наряды в это убожество!

" И где только Герцог набрал этих глупых куриц", – думала я, еле переставляя ноги по коридору в своё крыло и почти не смотрела по сторонам. Мои глаза самопроизвольно пытались закрыться, я уже засыпала на ходу, когда врезалась в кого-то.

– Извините, – буркнула я и попыталась продолжить своё движение, но была остановлена за руку. Незнакомый мужской голос в темноте коридора произнёс:

– Ты кто? Что-то я тебя не помню!

– Извините, так хочется спать! Давайте познакомимся завтра!

– Завтра так завтра! – в голосе появились угрожающие ноты, – после завтрака в моём кабинете! – Рявкнул мужчина так, что я подскочила. Его высокая широкоплечая фигура в военной форме уже удалялась от меня, и до меня дошло, что я встретила хозяина поместья, того самого Чёрного Герцога. Видимо,

он направлялся к своим дамам. "После завтрака, так после завтрака", – спокойно подумала я и пошла спать.

Глава четырнадцатая.

Конечно же, на следующее утро я проспала завтрак и проснулась только тогда, когда мой сын громко и настойчиво потребовал себе еды. Я потянулась, вынула из рубашки налившуюся грудь. Сын сжал мой сосок, неожиданно впившись в него своими острыми зубками.

– Ой, – вскрикнула я достаточно громко от неожиданности, и тут же дверь в мою комнату вылетела от сильного удара.

За ней стоял рассерженный мужчина в белой рубашке и тёмных брюках, обтягивающих его длинные ноги с огромными выпирающими мышцами, как вторая кожа. В его чёрных глазах плескалась ярость, короткий ёжик чёрных волос не скрывал покрасневшую кожу на голове. Я узнала этого мужчину: я видела его на площади Согласия в Туринге, на лошади, во главе армии вольвгандтцев, с которыми уехал и мой муж. За ним стояли ещё двое, одной из которых была наша экономка, а другого мужчину я не разглядела.

Взгляд мужчины с моего лица переместился на мою оголённую грудь, и он стал маленькими шажками приближаться ко мне. От неловкости захотелось прикрыться, и я опустила взгляд.

" Вот засада! Я попалась!" – подумалось мне. Мой амулет Сокрытия бесстыдно сверкал в ложбинке между грудей, и Чёрный Герцог явно его заметил.

– Что это у тебя на шее? Быстро отвечай мне!

Я молчала. Если скажу правду – будет плохо, совру – ещё хуже! Герцог схватил пальцами цепочку и рывком сорвал с меня амулет. Я опять вскрикнула от боли. Мужчина втянул ноздрями воздух. Его чёрные глаза потемнели ещё больше.

– Ириена, что в моём поместье среди прислуги делает лорка?

– Я не… – начала оправдываться я, понимая, в какую жуткую ситуацию я могу попасть.

– Мой господин, Демиус Трикотт поклялся, что девушка порядочная, она вдова вашего солдата…

– Понятно теперь, это проделки интригана Демиуса, послал мне шпионку прямо в дом! Выселить её в комнаты, соответствующие её статусу! Чтобы ноги в поместье не было! Её ублюдка в приют!

Я вскочила с кровати:

– И кого вы называете ублюдком, господин Чёрный Герцог! Мой сын – законнорождённый! Я имею свидетельство о рождении! Попробуйте только забрать, загрызу!

Герцог обернулся и странно посмотрел на меня, его губы почему-то дёрнулись в подобии улыбки, а Ириена испуганно таращилась на меня, моргая своими огромными глазами:

– Да… как… ты… смеешь, шваль подзаборная, так называть господина Картера! Господин, прикажите всыпать плетей!

– Десять плетей, переезд в казармы, а сына, пожалуй, оставьте с ней! – улыбка исчезла с лица герцога так же неожиданно, как и появилась.

Стоявший за спиной хозяина мужчина наконец-то объявился в комнате. Он был огромного роста с жутким шрамом через всё лицо, надорванной губой, из-за которой казалось, что он улыбается, но улыбка выходила жуткой.

– Дай руки, лорка!

Я протянула ему руки, глядя в глаза. Он связал их веревкой, которая была у него тут же на поясе.

– Я не лорка! Я – Эллирея Вакур!

– Замолчи, лорка, и радуйся, что у хозяина сегодня хорошее настроение, и ты получишь всего десять плетей, а не пятьдесят, что полагается за оскорбление сиятельства, – тихо говорил мне на ухо этот мужик. Иди давай! – он подтолкнул меня в спину, и я в одной рубашке и босиком вышла во двор поместья, где собралось, казалось огромное множество людей.

Мы остановились в самом центре перед главным входом, оборотни жадно рассматривали меня и также жадно принюхивались. В толпе я увидела Горда, который делал мне какие-то знаки, но от холода я стала плохо соображать, на меня от всего происходящего накатила апатия. Двое мужчин вынесли широкую лавку и поставили её рядом со мной. Тот здоровяк – оборотень толкнул меня на неё, заставив лечь на живот. Раздался треск, и моя спина и ягодицы оголились. В толпе я услышала:

– Сладко пахнет, лорка, она моя…

– Нет, Ригус, обойдёшься, первым буду я, я её давно приметил, только по запаху не мог понять, что она – лорка!

Мне казалось, что я схожу с ума от ожидания своего наказания и этих мерзких слов, что вызывали в моей душе желание заткнуть им всем глотки самым простым способом – убить!

Первый удар зажёг на моей спине пожар, второй разжёг пламя, третий и четвёртый слились в один, а после пятого моё сознание отказало мне, и я уплыла в блаженное небытиё.

Я очнулась от того, что кто-то попытался залить мне в рот мерзкую на вкус гадость, и я вырвала её обратно.

– Нужно выпить, Эль. Это доктор принёс! У тебя жар, молоко перегорает, поэтому надо пить зелье!

– Не… могу… – выдавила я из себя, с трудом открыв глаза, перед которыми всё плыло и качалось. Я увидела лицо Горда с большой кружкой с зельем, которое он уговаривал меня выпить.

– Соберись, девочка, твой сыночек без тебя скучает, плачет, нянька его, малолетняя егоза, не может без тебя уложить спать!

– Где.. он…

– Он в соседней комнате, с той маленькой оборотницей, играют. Я нашёл для Ллойда кормилицу и заплатил ей. А твоё молоко почти перегорело…

– Сколько…

Горд понял меня:

– Уже три дня прошло…

– Моя спина…

– Почти всё зажило…

– Лорка… я не… лорка…

– Нет, милая. Я сходил к герцогу и рассказал ему о тебе. Пока ты поживёшь с сыном у меня. На улицу выходить я тебе не советую, скоро полнолуние, у волков гон. Но одна радость – и работать тебе пока не придётся, а то ты себя довела!

– Уехать… уехать надо… амулет… запах…

– А вот это пока не разрешено.

– Кем…

– Господин Юлиус Картер запретил тебе покидать поместье и эту комнату. Почему, я тебе не скажу, Эль. Давай пока подождём, может, что-то проясниться!

Я не верила в хороший исход моего дальнейшего пребывания в поместье Чёрного Герцога, и как оказалось, я была права!

Глава пятнадцатая.

– Что там было, Горд, ну, после? – я сидела на кровати, опираясь на подушки, и играла с ползающим по мне сыном.

– Солдаты сиятельства были потрясены твоей стойкостью, ты не издала ни звука, Эль! Даже когда я поднимал тебя со скамьи и нёс к себе, ты ненадолго открыла глаза, и многие услышали твои слова. " Где мой сын?" – спросила ты, оборотни были под впечатлением!

– Да-а-а, хорошее развлечение им за мой счёт устроил Чёрный Герцог!

– Не называй его больше так, Эль, он ненавидит это прозвище!

– Меня поэтому высекли?

– Ну-у-у, нет…

– А за что тогда? – я иронично посмотрела на лейтенанта, – что ещё я натворила ТАКОГО, что меня стоило бы наказать таким жестоким образом?

– Ты обманула всех своим амулетом, скрыла запах. В Вольвгандте за это наказание – тюрьма, но тебя только высекли…

– Гад! Какой же гад!

– Ты про кого это, Эль?

– Да про одного засранца, который втравил меня в это, и ведь же не отстанет!

– Я его знаю?

– Горд, пока я для него не сделаю кое-что, я не могу ничего говорить! Просто поверь! Как только можно будет всё рассказать, ты узнаешь первым!

– Хорошо, Эль. Я сейчас схожу за едой, а вы не скучайте без меня!

Я взяла Ллойда на руки и стала напевать старинную эльвинскую песню, которую пела мне моя мама. Я перевела её на ританийский, и теперь мой сын стал единственным слушателем моего стихотворного и певческого таланта. Голос у меня не был таким нежным, как у моей мамы, но эльвинская кровь давала мне преимущества: петь я умела и любила!

Справа – лес, а слева – поле,

Впереди – дорога!

Ты иди по ней смелее!

И печаль – тревога

Не заденет твоё сердце,

Не затронет горе.

Ты иди по ней смелее

И вернёшься вскоре!

Так я напевала, пока не услышала под дверью скрип половиц, как будто кто-то стоит и слушает! Я вскочила с кровати и резко распахнула дверь: за ней стоял сам хозяин поместья и как-то странно глядел на меня, а потом молча развернулся и ушёл. Я закрыла дверь и поняла, что опять этот мужик видел меня в одной рубашке.

" Надеюсь, за совращение господина я не получу плетей?" – усмехнулась я и прилегла на кровать, уснула, пока не услышала, как пришёл Горд, и его тихий разговор с кем-то за дверью.

– Кто там? – спросила я.

– Никто, спи, – сказал лейтенант и устроился на маленькой походной кровати, на которой ему приходилось спать с моим переселением к нему в комнату.

Утро следующего дня встретило меня мрачным лицом Горда. Он, почему-то, собирал мои вещи в большую сумку.

– Что случилось, Горд? Хозяин отпустил меня? Я смогу уехать?

– Нет, Эль, нет, – мужчина явно не хотел разговаривать со мной, но меня это встревожило.

– Что происходит, лейтенант Горд? – я почти кричала, – не смей пугать меня!

Ллойд, услышав мой голос, проснулся и заплакал. Горд отвлёкся от сбора моих вещей и взял со стола молоко, чтобы покормить младенца. На меня он даже не смотрел.

– Собирайся, Эль, ты переезжаешь, приказ Его Сиятельства, будь он неладен!

– И куда… Не говори только, что к лоркам в казармы…

– Нет, Эль… Оттуда я бы тебя смог вытащить, – Горд по-прежнему не глядел на меня, – ты переезжаешь в покои фавориток Его Сиятельства герцога Юлиуса Картера…

– Нет! – только и смогла вскрикнуть я, – что можно сделать, Горд? Я не хочу…

И тут дверь комнаты лейтенанта распахнулась, и в неё вошёл уже известный мне мужчина со шрамом.

– Госпожа, вы готовы?

– Госпожа, госпожа… надо же? – истерически засмеялась я, – а как же лорка? А теперь госпожа… А вот и нет!

– Что нет? – опешил оборотень.

– Нет, значит, что я ещё не готова! А когда буду, тогда и придёшь! – я выставила мужчину из комнаты и закрыла за ним дверь, затем села на кровать и разрыдалась. Горд подошёл ко мне и обнял за плечи, потом присел и, продолжая кормить моего сына, стал поглаживать меня покалеченной рукой по спине, пытаясь успокоить.

– Я не знаю, что сказать, Эль…

Тут же дверь сотряс сильный удар, и она вылетела из петель: сиятельство решило, что это самый эффектный способ появления в моей жизни!

– Ваше Сиятельство… – только успел сказать бешеному герцогу лейтенант, как я услышала:

– Воооон! Пошёл вон отсюда! И щенка забери! Я с этой девкой хочу поговорить наедине! – глаза боротня горели огнём, а мои слёзы сразу высохли. Поведение этого… я считала ужасным, но моё мнение никого не интересовало!

Глава шестнадцатая.

– Ты… – прорычало это… чудовище, подлетая ко мне и хватая меня за горло так, что я оказалась приподнятой над полом в захвате, от которого начала задыхаться, – ты, человеческая подстилка, солдатская шлюха, променяла меня, МЕНЯ, – рычало чудовище, пока я задыхалась, от недостатка воздуха лёгкие загорелись огнём, – меня, альфу Чёрных Волков на жалкого полукровку! Тварь!

Меня отбросило в стену, и мой затылок с ней поздоровался. Если бы не удар, то у меня бы хватило сил что-нибудь ответить этому недомужчине, бьющего слабых женщин, но я на мгновение потеряла сознание, и очнулась от того, что меня… насилуют! Руки мои были связаны наверху, а надо мной нависал сам герцог, вколачиваясь с такой силой, что от боли хотелось взвыть!

Я попыталась дёрнуться и отползти наверх, но чокнутый герцог зарычал и обхватил мои бёдра руками посильнее. Я поняла, что опять уплываю, хотелось заорать, но я решила не доставлять насильнику такого удовольствия! Когда я

начала терять сознание, герцог стал бить меня по щекам, говоря:

– Потеряешь сознание, придушу твоего ублюдка!

Мне пришлось через силу открыть глаза и смотреть в потолок, пока герцог с диким рыком не дёрнулся в последний раз и не излился в меня. И тут я опять улетела в небытие.

Очнулась я в незнакомой комнате в огромной кровати с балдахином. На мне была очень тонкая рубашка из нифейского шёлка, а рядом, на стуле, я увидела экономку, которая выводила носом рулады.

И тут я вспомнила о том, что произошло со мной. Я всхлипнула и отвернулась от женщины, чтобы проплакаться. Мои слёзы лились и лились, а я всё не могла никак остановиться, пока не стала рыдать в голос.

– Ну хватит, нашла горе! Нечего было хозяина из себя выводить! Не противилась бы ему, и всё полюбовно бы было! И доктора опять бы не пришлось к тебе вызывать!

Как я ненавидела её в этот момент!

– Пошла вон! – заорала я. – И чтоб духу твоего рядом со мной не было! Иди отсюда, жалей своего хозяина в другом месте!

Я кричала что-то ещё, по-моему, даже опять называла герцога по его прозвищу, но когда экономка убралась из комнаты, ко мне в этот день больше никто и не зашёл. Я потом успокоилась, и мне захотелось по нужде. Попытавшись встать, я увидела, что подо мною растеклась кровавая лужа. Мне, как оказалось потом, наложили швы на промежность, но я-то об этом не знала! Мой поход в поисках горшка или туалета закончился тем, что возле двери я опять потеряла сознание. И на этот раз меня пришлось доставать с того света.

И сделал это Марцелус, случайно заехавший в поместье. Когда началась суматоха, и кто-то закричал: "Девчонка умирает!", доктор побежал помочь, и если бы не он, я бы тогда умерла!

Об этом он мне сам поведал через два дня, когда я очнулась. При нашем разговоре присутствовал оборотень со шрамом, теперь герцог не оставлял меня наедине с представителями противоположного пола. Посетителей, кроме доктора, у меня не было, а когда я завела речь о сыне, мне было сказано: " С ним всё в порядке, приносить не велено!"

– Эль, постарайся не поднимать тяжести в ближайший месяц и… гмм… поосторожнее в постели… будь… Ты как, вообще? Смотрю, вняла моему совету, выбрала себе одного… и ещё какого!

Доктор засмеялся, а мне захотелось разрыдаться, что я и сделала. Марцелус понял, что сказал что-то не то, но объяснять я ему ничего не стала: он бы всё равно меня не понял. Сам Чёрный Герцог сделал меня своей фавориткой, защитил от позорного статуса лорки, а ещё и кочевряжусь!

Мои дни проходили в тоске по сыну, когда уехал доктор, поговорить мне стало не с кем, герцог приходил изредка, в его приходы я делала вид, что сплю, или демонстративно отворачивалась лицом к стене, затыкала уши, чтобы не слушать его слова, даже когда он мне пытался что-то рассказать о сыне. Его угрозы на меня не действовали, я опять впала в состояние апатии, накрывшее меня после смерти матушки и гибели Медеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/litvinova_elena/ellireya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить